

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

260/2

THE RELIGIOUS WORLD OF RUSSIAN CULTURE

RUSSIA AND ORTHODOXY : VOLUME II

Essays in Honor of Georges Florovsky

ANDREW BLANE

Editor

1975

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

О ХАРАКТЕРЕ ТРЕТЬЕЙ ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Н. Е. АНДРЕЕВ

I

По истории “христолюбивого града Пскова, земли свободной” (выражение некоего книжника начала XVI века)¹ сохранилось не столь много первоисточников. Важнейшими из них являются псковские летописи, включающие не только драгоценные данные о событиях в этом “севернорусском народоправстве”, по летучему определению Н. И. Костомарова, но и некоторые литературные произведения. Русские историки посвятили псковским летописям немало внимания.² Однако, далеко не все вопросы выяснены с достаточной убедительностью. Поэтому эта статья, направленная на уточнение характера одного из псковских сводов, может быть небесполезной, ибо автор ее пришел в некоторых пунктах к иным заключениям, чем его предшественники по теме. Само собой разумеется, что правильная оценка источников есть предпосылка верных исторических построений.

II

Разделение псковских летописей на *Первую*, *Вторую* и *Третью* является, понятно, условным, принятым учеными в результате

¹ Н. И. Серебрянский, *Житие преподобного Евфросина Псковского* (Первоначальная редакция) [= *Памятники древней письменности и искусства*, СІХХХІІІ] (Санкт Петербург, 1909), 56.

² См. сводки: В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, II (Киев), 783-848; А. Насонов, “Из истории псковского летописания” [= *Исторические записки*, 18] (Москва, 1946), 255-294; Д. С. Лихачев, *Русские летописи и их культурно-историческое значение* (Москва-Ленинград, 1947), 460-465.

изучения сохранившихся списков этой отрасли псковской письменности. До появления работ А. Н. Насонова³ и опубликования им двух томов текстов псковских летописных сводов⁴ псковские летописи издавались трижды.

Первое издание было осуществлено М. П. Погодиным в 1837 году. В распоряжении редактора было три летописных списка, представленных ему А. Ф. Малиновским. Наблюдения Погодина до сих пор небезинтересны, но издание текстов оказалось с заметными недостатками.⁵

В 1848 году Археографическая комиссия издала в IV томе *Полного Собрания Русских Летописей* псковскую Первую летопись по восьми спискам.⁶ В 1851 году в V томе *ПСРЛ* появилась псковская Вторая летопись по так называемому Синодальному списку.⁷ Как указал А. Н. Насонов, оба эти издания 1848 и 1851 годов были значительно лучше Погодинского, но и они не были достаточно “критическими с современной точки зрения”, хотя редакторы знали — в целом — уже одиннадцать списков псковских летописей.⁸

Сам Насонов подверг исследованию двадцать четыре списка

³ Об Арсении Николаевиче Насонове и его работах см. некролог в журнале: *Вопросы истории*, 12 (Москва, 1965), 208; В. А. Кучкин, “Памяти А. Н. Насонова и Список научных трудов А. Н. Насонова”, в журнале: *История СССР*, 6 (Москва, 1965), 222; Б. А. Рыбаков, “От редактора”, в книге: А. Н. Насонов, *История русского летописания XI-начала XVIII века*, Академия Наук СССР, Институт истории (Москва, 1969), 5-6.

⁴ *Псковские летописи*, I, подготовил к печати А. Насонов, Академия Наук СССР, Институт истории (Москва-Ленинград, 1941) (в дальнейшем: *П.Л.*, I); *Псковские летописи*, II, под редакцией А. Н. Насонова, то же издательство (Москва, 1955) (в дальнейшем: *П.Л.*, II).

⁵ *Псковская летопись, изданная на изживении Общества Истории и Древностей Российских, при Московском Университете, М. Погодиным* (Москва, 1837). Погодин в “Предисловии” объясняет, что издание длилось столь долго, что он уже не включил иные два, известные ему, списка псковской летописи. Из отдельных замечаний Погодина интересны два предположения, что в основе псковских летописей лежат новгородские летописи; утверждение, что “для времен Грозного Псковская летопись заключает многие важные известия, которые тем для нас драгоценнее, что принадлежат соотечественникам и людям беспристрастным. Его робость и жестокость засвидетельствованы здесь твердо: с. 189, 190, 209, 210, 211” (Стр. X, XII, XIV-XV). О существенных недостатках этого издания см *П.Л.*, I, IV-V.

⁶ *ПСРЛ*, IV. Существенны замечания о летописных списках, известных изданиям: стр. 169-172. В основу издания были взяты наиболее полные списки, Архивский IV и Строевский II.

⁷ *ПСРЛ*, V. Редакторы отметили, что летопись эта “отличается подробностью” и в ней есть “известия, о которых упоминается только в означенной летописи” (стр. V).

⁸ *П.Л.*, I, V-VI.

псковских летописей, но “по условиям работы не мог ставить себе целью исчерпывающе собрать псковский летописный материал”.⁹ Тем не менее результат его исследования оказался чрезвычайно важным: Насонов смог выделить наиболее полные списки, устранив копии с копий и так далее, а, главное, он дал схему взаимоотношений летописных памятников Пскова. Насонов пришел к убеждению, что “текст псковских летописей следует разделить на три летописи: Псковскую 1-ю, Псковскую 2-ю и Псковскую 3-ю”.¹⁰ Мысль эта не новая: ее высказывали начетчики и знатоки материала, как преосвященный Филарет (Гумилевский) и князь Н. Н. Голицын,¹¹ но именно Насонов произвел анализ и классификацию псковского летописного фонда.

В основание Первой летописи Насонов положил до тех пор неиспользованный учеными так называемый Тихановский список, представляющий собой свод 1469 года, и дополнил его Погодинским списком с вариантами по списку Оболенского и Архивскому 3-му.¹²

В основании Второй летописи Насонов оставил Синодальный список, который был уже использован Погодиным в 1837 году и издан, как псковская Вторая летопись в 1851 году.¹³

Третья летопись выделена Насоновым на базе так называемого Строевского списка 1556 года с последующими приписками до 1567 года и с вариантами по Архивскому 2-му списку и с его “окончанием” (о событиях конца XVI и XVII веков); туда же присоединены отрывок из Копенгагенского сборника (с замечательным “республиканским” зачином рассказа — *О псковском взятии*) и в виде приложений: введение к рассказу о псковском взятии под 1510 (7018) г. по Бальзеровскому и Горюшкинскому спискам и приписка на последнем листе псковской лицевой Палеи XV века.¹⁴

⁹ Там же, VI. Действительно, несколько списков так называемого свода 1547 года стало известным (а также псково-новгородского свода) позднее опубликования первых работ А. Н. Насонова, благодаря находкам М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина (П.Л., II, 5).

¹⁰ П.Л., I, XXVI-XXVIII, IXI-IXIII.

¹¹ Преосв. Филарет предлагал назвать *Третьей* псковской летописью свод 1547-1568 годов. Об этом же думал Н. Н. Голицын, см *Архив исторических и практических сведений А. И. Колачева* (1860-61), V-VI: “Обзор...”, 233.

¹² Д. С. Лихачев, *указанное сочинение*, 462, справедливо подчеркнул факт, что “Псковская первая летопись, изданная А. Н. Насоновым, не соответствует Псковской первой, изданной в IV томе Полного собрания русских летописей”.

¹³ П.Л., II, Псковская 2-я летопись, 9-69. Замечания о ней: П.Л., I, XII-XIV.

¹⁴ Текст *Третьей* летописи: П.Л., II, 78-290; “Прибавление и Приложения”. там же, 291-303. Об основаниях для выделения *Третьей* летописи см. П.Л., I, “О списках псковских летописей”, XXXIX-XXXVII, IXII-IXIII; А. Насонов,

Анализы и заключения Насонова произвели большое впечатление на тех ученых, которые интересуются историей Пскова, ибо определенной схеме и системе оказались подчиненными даже первоисточники: построения Насонова были приняты безоговорочно, по крайней мере, до автора этой статьи не дошло каких-либо возражений или сомнений в адрес исследователя псковского летописного наследства.

Между тем, в построениях Насонова есть как-бы два пласта: главнейший, основной, исследование взаимоотношений между отдельными летописными списками, — и здесь его наблюдения весьма существенны, по крайней мере, для данного этапа наших знаний; и второй пласт — как бы производный, — его попытка выявить не только социальную и политическую направленность отдельных псковских сводов, но и попытка определить место их появления и — более того — персонифицировать их предполагаемых создателей, авторов или редакторов. Именно в этой части ряд утверждений Насонова проблематичен и, в некоторых пунктах, фактически ошибочен, поскольку речь идет о псковской третьей

Из истории... (см. примечание 2), 261-270, 293-294. На стр. 261 несколько грубых опечаток, затрудняющих чтение: надлежит читать вместо "свод 1467 г." — свод 1567, вместо "в 80-х годах XV в." — в 80-х годах XVI в.

¹⁵ Интересно отметить, что в новейших работах, касающихся Пскова и мне известных, концепция А. Н. Насонова принята полностью, например, в весьма систематической и отчетливой сводке исторических данных Б. Б. Кафенгауза, *Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики*, Институт истории, Академия наук СССР (Москва, 1969), 4, 90-91. Р. Г. Скрынников, *Начало опричнины*, изд-во Ленинградского университета (1966), 34, дополнил соображения Насонова новым именем: "Псковский летописный свод 60-х годов составлен был в стенах Псково-Печерского монастыря известным книжником Васьяном Муромцем и игуменом Корнилием". Надо подчеркнуть, что это тоже старая мысль, высказанная в 1908 году В. С. Иконниковым, *Опыт...*, 833 (что не оговорено Скрынниковым), но ни один из этих историков не привел никаких доказательств в защиту правдоподобности такого предположения. Скрынников в своей следующей книге, вообще не менее ценной, чем первая, *Опричный террор* (Ленинград, 1969), 58-59, как-будто бы отказывается от этой идеи Иконникова, говоря: "Многие годы Корнилий редактировал местный летописный свод..." "Книжник Васьян Муромцев" (а не Муромец, как в *Начале опричнины*, см. цитату выше), оказывается, вместе с игуменом Корнилием, руководил "старейшим в России Псково-Печерским монастырем..." Абсолютно бредовое сообщение. Впрочем, и вся характеристика Корнилия и Вассиана полна у Скрынникова авторских фантазий, из-за некритического подхода к гипотезам Насонова. Повидимому, единственный разбор гипотез Насонова был сделан автором настоящей работы: N. Andreyev, "The Pskov-Pechery Monastery in the 16th century", *Slavonic & East European Review*, XXXII, 79 (London, 1954), 318-343; *Idem*, "Was the Pskov-Pechery Monastery a citadel of the non-Possessors?", *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*, 17, 4 (Wiesbaden, 1969), 481-493.

летописи.¹⁵ Что же утверждает Насонов и почему характеристика, сделанная им этому своду 1567 года, подлежит пересмотру?¹⁶

III

А. Н. Насонов в своей первой публикации, в 1941 году, на тему о псковских сводах высказывал свои наблюдения в осторожной, почти гипотетической форме. О первой летописи он высказал предположение: “Свод 1469 г., представляемый Тихановским списком, возможно, был составлен, согласно моему исследованию, лицом, близким к ‘купецкому старосте’.”¹⁷ Относительно Синодального списка, вслед за издателями его в 1851 году, Насонов отметил индивидуальность этой летописи, доходящей до изложения событий в 1486 году, и явное дополнение письменных источников устными рассказами.¹⁸ Говоря о Строевском списке и Архивском 2-м, т.е. о третьей летописи, Насонов обратил внимание на замечание редакторов издания 1848 года о том, что “список, названный нами Строевским II некогда принадлежал Псковскому Печерскому монастырю”.¹⁹ Основываясь на этом, явно позднейшем — “на последнем белом листе другим почерком” — сообщении под 7060 (1552) годом о колоколах, “слитых в Печерской монастырь”, а также на наблюдении, что основной текст Строевского списка “кончался на 7064 (1556) г. включительно”, а затем “дополнительный материал вносился в Псково-Печерском монастыре”, причем описывалась под 1560 годом “решающая роль игумена Корнилия при взятии Вельяна (Феллин)”,²⁰ Насонов, сравнивая известия Архивской 2-й летописи и Строевского списка, пришел к важному для его схемы выводу, что

Однако, первая моя статья была написана до выхода в свет *П.Л.*, II, а вторая касалась далеко не всех вопросов, возникающих при внимательном ознакомлении с материалами и была направлена, главным образом, на темы, связанные с историей Псково-Печерского монастыря.

¹⁶ Настолько, по мнению некоторых историков, непогрешима концепция Насонова, что любые иные объяснения в отношении его гипотез “не могут быть признаны удачными” (А. А. Зимин, *И. С. Пересветов и его современники* [Москва, 1958], 154), и, более того, они “противоречат всем фактам” (А. А. Зимин, *Опричнина Ивана Грозного*, Москва, 1964, 74). Как будет показано ниже, “факты” полностью поддерживают сомнения в справедливости *всех* предположений Насонова.

¹⁷ *П.Л.*, I, XXVII.

¹⁸ *П.Л.*, I, XIIV-XIV.

¹⁹ *П.Л.*, I, XXXIII.

²⁰ *П.Л.*, I, XXXIV.

Строевский список создавался именно в Псково-Печерском монастыре.²¹

В своей статье 1946 года²² наш автор считал возможным утверждать, что “свод, составленный в Псково-Печерском монастыре в XVI в.” мог отражать “настроения известного слоя, оппозиционного господствовавшей власти” и что изучение свода 1567 года, “определение его как свода игумена Корнилия, казненного Грозным (в 1570 году), открывает новый источник по истории социально-политической борьбы в XVI в.”²³

Насонов отбросил предположения некоторых своих предшественников по теме, думавших, что псковская первая летопись, представляющая собой так называемый свод 1547 года, могла быть отредактирована игуменом Корнилием из Псково-Печерского монастыря.²⁴ Он пришел к заключению, что

данные, извлекаемые изучением Строевского списка, особенно последних статей его, в совокупности с показанием “Повести о Печерском монастыре иже во Псковской земле”, составленной в 80-х годах XVI века,²⁵ дают основание предполагать, что составителем Строевского списка был игумен Псково-Печерского монастыря, погибший насильственной смертью в 1570 г., что этот список был написан если не им самим, то под его руководством.²⁶

Насонов дал характеристику свода 1547 года, как “сочетание похвал великому князю, почти официального отношения к московской великокняжеской власти с обличениями московских наместников”²⁷ и противопоставил ему “летописный свод 1567 года (игумена Корнилия) до конца резко враждебный деятельности великого князя московского”.²⁸ По мнению Насонова,

этот вывод проливает свет на обстоятельства казни игумена Корнилия Грозным, засвидетельствованной разнородными источниками, и на политическую роль Псково-Печерского монастыря, где бывал Курбский и где что-то писал, что потом приходилось прятать “страха ради смертного” и где, по словам “Повести о Печерском монастыре, иже во Псковской земле”, пещера служила усыпальницей “властей и нарочитых

²¹ П.Л., I, LXII-LXIII, XXXIV-XXXVII.

²² А. Н. Насонов, *Из истории...*, 255-294.

²³ Там же, 258.

²⁴ Там же, 260.

²⁵ Там же, 261-262.

²⁶ Там же, 261.

²⁷ Там же, 268.

²⁸ Там же, 266.

мирян", т.е. видных бояр, в большинстве случаев оппозиционно настроенных к московскому великому князю и царю.²⁹

Подчеркивая "контрастность" сводов, Насонов выдвинул старое предположение, что редактором свода 1547 года мог быть старец Елиазарова монастыря, Филофей, автор теории о Москве-Третьем Риме, давая при этом понять, что какая-то летописная работа может быть связана с этой резиденцией Филофея и не исключена возможность, что там был отредактирован свод 1547 года.³⁰ Уместно указать, что гипотеза о Филофее, как составителе этого свода, совершенно произвольна: в летописи нет ни одного упоминания о Елиазарове монастыре, за исключением помещенного, как отдельное произведение и документ, послания елиазаровского игумена Панфила и, как показал В. С. Иконников, тон записей противоречит смыслу посланий Филофея, "... записи едва ли могли принадлежать лицу, проникнутому той точкой зрения на московские отношения, которая свойственна Филофею".³¹

В "Предисловии" ко второму тому *Псковских летописей* Насонов повторил те же мысли, иногда еще более заострив их: "Строевский список представляет собою оригинал летописного свода игумена Псково-Печерского монастыря."³² Насонов охарактеризовал здесь этот список, как "памятник острой внутрикласовой борьбы времен Ивана Грозного, дошедший до нас в оригинале".³³

В свою книгу *История русского летописания XI — начало XVIII века*, опубликованную посмертно, А. Н. Насонов не включил "работы более ранних лет (о летописании Твери и Пскова)", но повторил свои выводы: "В отличие от псковского свода 1567 года, составитель которого не скрывает враждебного отношения к власти великого князя московского (Ивана Грозного), псковский свод 1547 г. сочетает похвалы великому князю, почти официальное отношение к московской великокняжеской власти с обличением московских наместников и дьяков."³⁴

Значит, надлежит выяснить, в чем и как выявилась антимосковская тенденция псковской *Третьей* летописи и попытаться определить, кто мог бы быть редакторами этого свода 1567 года.

²⁹ Там же, 268.

³⁰ Там же, 269-270, 294.

³¹ В. С. Иконников, *Опыт...*, 821-823.

³² *П.Л.*, II, 6.

³³ Там же, 7.

³⁴ А. Н. Насонов, *История русского летописания XI-начала XVIII века*. Академия наук (Москва, 1969), 10, 327.

IV

Из установленных Насоновым фактов, подлежащих сомнению, надо запомнить три. Первый факт: существовал какой-то общий источник сводов 1547 и 1567 годов, представлявший собой летописную компиляцию, в которую вошел ряд общерусских известий.³⁵ Повидимому, как думал А. А. Шахматов, в основе лежал свод 1481 года, но и затем был “какой-то общий летописный материал”, использованный составителями обоих сводов.³⁶ При этом составитель Строевского списка, т.е. основы *Третьей* летописи, иногда сокращал известия или даже вовсе опускал их.³⁷ Второй факт: Строевский список “писан одним почерком до конца известия 7064 (1556) г. до слов: ‘а стояше с чась’, — после этих слов ‘до конца рукописи почерка меняются’ и ‘текст носит характер приписок’.”³⁸ Третий факт: “судя по водяным знакам, рукопись могла быть написана около 1560 г.”³⁹

Из этих трех фактов, если взять их в совокупности, вытекает, что летопись, известная, как Строевский список, была создана во второй половине пятидесятих годов XVI века или позднее, что основная часть летописи, до 1552 года является переработкой какого-то протографа и что после этого текст летописи пополнялся “приписками”. Насонов подчеркнул:

Эти приписки, т.е. текст с 7061 г., носит характер выборок из обширного свода: здесь мы встречаем известия и общерусские и псковские — о морах, о знамениях, о пожарах, о военных делах, о делах дипломатических, об урожае, о смерти и поставлении митрополита и т.п. На ряду с выборками вносился и самостоятельный материал; исследование позволяет думать, что лицо, вносившее этот материал, было связано с интересами Псково-Печерского монастыря.⁴⁰

Сосредоточим внимание на некоторых записях Строевского списка до 1552 года, могущих помочь при разрешении поставленных вопросов, и ограничим себя периодом, начиная с 1510 года, — временем включения Пскова в Московское государство.⁴¹

³⁵ Насонов, *Из истории...*, 264.

³⁶ А. А. Шахматов, Несколько заметок об языке псковских памятников XIV-XV в., *Журнал министерства народного просвещения* (июнь, 1909), 214-219. Насонов, *Из истории...*, 263-264.

³⁷ Там же.

³⁸ П.Л., I, IX, XXXIV.

³⁹ П.Л., I, IX.

⁴⁰ П.Л., XXI, XXXIV.

⁴¹ Дату 1510 г. мы берем не только потому, что этот год — переломный пункт

Вопреки впечатлениям Насонова текст до 1556 года *не несет* на себе знаков монастырского происхождения и — в частности — *нет* в нем органической связи с Псково-Печерской обителью, где с 1529 года игуменом стал Корнилий.

Естественно ожидать, что игумен, если он был составителем Третьей летописи, как настойчиво внушает Насонов, посвятил бы некоторое и, вероятно, сосредоточенное внимание собственному монастырю. Однако, в Строевском списке он упомянут до 1552 года только четыре раза (под 1523, 1537, 1540 и 1547 годами).⁴² В то же время в Первой летописи монастырь упомянут семь раз (под 1519, 1521, 1528, 1532, 1537, 1540 и 1547 годами). При этом, как нами уже указано в другой работе, именно эта Первая летопись обнаруживает гораздо больше внимания к духовному значению обители и ее делам, чем Третья.⁴³ Чтобы сделать эти наблюдения наглядными, сравним освещение одних и тех же событий в обеих летописях.

Третья летопись, под годом 1523:

В лѣто 7031. Поча здати мѡнастырь Печерской, во Псковской земли, под немецким роубежом; припомагаше старцам Филарету и прочим и Мисюрь дяк великого князя; и церковь оу горы боле ископаша. А преже того церковь была в земли, а монастырь был на горе, и церковь преподобных отецъ Антония и Федосья. И бысть проща велика молитвами святыхъ Богородица; и начаша множество народа приходити на праздникъ ея.⁴⁴

Первая летопись, под годом 1519:

Того же лѣта начаша Мисюрь Моунехин, великого князя дяк псковской, да его подьячей Ортюша Псковитин назирати убогое мѣсто, незнаемымъ же, под немецкимъ рубежомъ 40 верстъ ото Пскова, а десять верстъ за Изборскомъ, в Таилове погосте, 7 верст от Нового городка от немецкого, Печерской монастырь, Вифлянскоую пещеру, Богом сотворенную, и начаша на праз[д]ники пречистыхъ Богородицы, матери Божии, честнаго и славнаго ея Оупсения и всѣхъ ея честныхъ празникъ, ездити со многими людьми и монастырь кормити; а монастырек был на версе

в псковской истории, но также оттого, что есть не очень защищенные предположения А. А. Шахматова, *К вопросу о происхождении хронографа* (Санкт Петербург, 1899), 138, о наличии некоей летописи Филофея за период 1482-1509, которой пользовались, среди иных источников, составители свода 1567 года. Насонов, *Из истории...*, 259-260, отрицает эти гипотезы Шахматова. Дата 1510 г. позволяет нам избежать рассмотрения этой проблемы в пределах настоящей статьи.

⁴² П.Л., II, 226, 229, 230.

⁴³ П.Л., I, 100, 102, 105, 108, 109, 112.

⁴⁴ П.Л., II, 226.

горы, и нача им пешись аки отец господинъ добрый с своим подьячим Ортюшею. А пречистая царица, честное и славное ея Оуспение, нача милость свою являти православным крестьяном, приходящим къ ей с вѣрою и чистым сердцем; и начаша много множество людей приходити на честный ея праздник, а пречистая нача своею милостию много недужныя исцеляти. И промчеша милость ея даже и до царя московского государя нашего великого князя Василья Ивановича всея Роусии, и оуслыша вся земля Руская милость пречистыя печерския: не токмо во честнѣм храмѣ ея, но и внѣ монастыря, и приходя к ней и отходя на пути исцѣляет всяки недуги, не токмо крестьян, но и Латыны. И нача Мисюръ волостями своею казною по обѣ стороны ручья горы копати, и церковь большоую созидати, и в гору копатися дале и глыбле; и начаша монастырь строити в Подоле меж гор, а ручей сквозе монастырь и воду возведоша вверхъ, а святых преподобных отец печерских Феодосия и Антониа снесоша з горы в Печероу, в созданную церковь в новоую вкупѣ с Пречистою, и освящаша храм преподобныхъ отецъ Феодосиа и Антониа на сам праздник Оуспение Пречистен; и начаша с проскурою и з святою водою к государю ездити; князь великий даша им подводы на всяки праздникъ ездити им к себѣ. И начаша быти оттолѣ монастырь Печерской славен, не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земле, даже и до моря Варяжска.⁴⁵

Так описано начало создания большого Псково-Печерского монастыря, первоначальные стадии возникновения обители вовсе здесь не упомянуты: обе летописи рассказывают, начиная с момента, когда московские власти в лице умного, ловкого и просвещенного великокняжеского дьяка решили создать в вольнолюбивой Псковской земле оплот московского благочестия.⁴⁶ Факт “забвения” почти полувековой ранней стадии монастырской истории показателен: в Первой летописи сначала упоминается “убогое мѣсто, незнаемо никим же”, затем, вразрез с такой характеристикой, сообщается, что “а монастырек был на версе горы”; Третья летопись идет еще дальше: она вовсе не говорит о гордости монастыря — “Богом зданной пещере”, откуда и само название монастыря и позднее посада и городка, а весь текст сжимает без какого-либо чувства к обители, характерной для записи в Первой летописи, хотя нет сомнения, что источник информации был тот же самый, так как и здесь употреблена та же конструкция фразы — “а монастырь был на горе”. Замечательно, что смысловое ударение в обоих текстах различно. В Третьей летописи “героем строительства” является некий старец Филарет, которому только помогал Мисюръ.

⁴⁵ П.Л., I, 100-101.

⁴⁶ Именно этот тезис обоснован в нашей работе: Andreyev, “The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth Century”.

В Первой летописи главным действующим лицом оказывается дьяк великого князя, Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин. Есть ли возможность проверить степень точности обоих текстов в отношении к действительным фактам перестройки монастыря? Такая возможность существует, ибо сохранился замечательный источник по ранней истории монастыря, а именно *Повесть о начале Печерского монастыря*, написанная в 1531 году самим игуменом Корнилием.⁴⁷

Эта *Повесть* была переписана для некоего, неизвестного нам, “христолюбца”, который “понуидил нас на сіе дѣло”, потому что захотел “оувѣдати истинно” о чудесах и о “началѣ сего святаго мѣста”. Повидимому, этот человек был просвещенным книжником и сам собирал, “яко трудолюбивая пчела от цвѣтцѣ, Божія чюдеса и Пречистыя Богородица”, описания которых он сделал доступными “во вся конца” мира, иначе они остались бы “во глубинѣ забвенія”. Корнилий благодарит этого книжника, что он “принудил моя скверная уста”, задавая игумену вопросы, сделать какое-то суммирование данных о чудесах и написать о них и сообщить точные размеры церкви в горе.⁴⁸ Весь текст самой *Повести* выдержан в тоне его собственной формулировки в начале ее: “да соблюдаются добраа в памяти” и “да не приидут во глубину забвенія омрачаема она дивнаа Божія чюдеса і Его рожшіа пречистыа Богородица”. Корнилий объясняет, что эта задача была возложена на него, вместе с воссозданием ранней монастырской истории, “о началѣ сего святаго мѣста”, братией обители: “по благослав-

⁴⁷ *Повесть* опубликована в “Приложениях” к работе, наиболее подробной и до сих пор незаменимой по систематичности в охвате материала на эту тему: Н. Серебрянский, *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества* [= *Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете*, 1908], книга III и IV, кн. 226 и 227, 545-551. Комментарии о *Повести* там же, 39-46. Мы не считаем возможным обсуждать здесь вопросы, относящиеся к редакциям отдельных списков *Повести*, но принимаем и “Послесловие” к *Повести*, как текст самого Корнилия, написанный, в конце 1550 годов, — не в связи ли с обнаружением при взятии Нарвы в 1558 году чудотворных икон? Описание Успенского храма (пещерного) и катакомб в горе свидетельствует о периоде до Ливонской войны, когда там стало погребаться много людей неиноческого чина, — неслучайно именно тогда был заведен синодик монастыря (любопытно отметить, что “под I-м числом Генваря” записан (с 1572 года ?) “Григорий Лукьянович Малюта Скуратов... того же дни память по жене его инокини Марьямни”) (*Первоклассный Псково-Печерский монастырь*, издание второе, дополненное, при настоятеле Архимандрите Иннокентие [Остров, 1893], 146-147).

⁴⁸ *Повесть*, 551-552.

ленію отец и иж преж мене бывших здѣ игумен и священноинок Дорофея и Герасима, иж быша в та лѣта, яж строился новый сеи монастыр, и по совѣту и проразсуженіем всѣх яж о Христѣ братіа наша повелѣно быс мнѣ худому и грѣшному написати сіа.” Он подчеркивает, что “ничтож вписах от своего ума еж не бѣ, но еж быс и бывает, и яж слышахом. инаяж и видихом и изпрошавше правое”. Ему пришлось проверять рассказы, поскольку они иначе описывали события, у старых людей, живших вблизи обители, а некоторые подробности сообщил инок Тернуфій в Снѣтогорском монастыре. Перед нами возникает образ автора “Повести”, как умного историка и правдолюбца: “свидетель ж сему Бог и Богородица”.⁴⁹ Корнилий дает тщательную сводку собранных им данных по легендарному периоду монастырской жизни и затем вплоть до момента, отмеченного летописями, превращения скромной обители в монастырь, поддерживаемый и покровительствуемый московскими властями.

“Повесть” Корнилия рассказывает об этом в 1531 году так:

Времени ж мимошедшу от священіа первыа церкви Богородичины в горѣ лѣт 49, а от прихощенія самодержьца и государя нашего великаго князя (благовѣрнаго) Василя Ивановича всея Руси в свою вотчину, в Псков, и от взятія псковскаго, егда (как) посадников и болших людей вывел лѣт 12, егдаж въсхотѣ Богъ помиловати стражущаа людей и сію землю Псковскую не отчюжену быти от Божіих даров; як вся убо земля руская прославлена Богомъ и пречистою Богородицею в различных мѣстех, во мнозѣх градах быша и бывають чудотворіа даръ: ово Богородицею, иноже от святых святитель и преподобных отец, сіа же земля пуста бяше и скудна таковыа благодати, нынѣж красится сим святым мѣстом и як свѣтило сіает во вся конца причистыа ради Богородица чудеса, и от всѣх градов и земли рускіа чловѣци шествуют (во) Псковскую землю и приишут к пречистые церкви к пречестней и к чудотворному Ея образу; посла ж Бог таких строитель, от кого мощно строитис; государя нашего и великаго князя діаку Михаилу Мисюрю Мунехину мѣсто и церковь пречистыа Богородица видѣвшу и вѣру велику стяжа к пречистей Богородица и начат спомогати к строенію монастырскому. Игумена ж тог(да) избирають братіа себѣ Дорофея священоінок, братьям же тогда шестим суще в монастыри Пречистыа. Тои ж игумен Дорофей велико тщаніе приим о строеніи монастыря и церкви печерныа, с нимъ ж и Филарет старец, припомагаше им во всем Мисюрь. По совѣту ж игумена з братею и по Мисюреву, церковь Пречистыа, яж в горѣ, велику ископаша, в ней ж оустроиша и храм преподобных отец Антоніа и Феодосіа Печерских; освященна ж быс церкви (велика второе) Богородчина в горѣ во имя

⁴⁹ *Повесть*, 546-547. Тщательный анализ источников *Повести* см.: Н. Серебрянский, *Очерки...*, 40-46.

Пречистыя Владычица наша Богородица честнаго Ея Оуспеніа в лѣто 1523, август 15 день; того ж мѣсяца освящают и храм преподобных отецъ. Потомъ ж помыслиша оустроити монастыр прямо (церковныхъ дверей) церкви Пречистыа, ветхїи перенести (з горы) на сіе мѣсто; имъ ж восхотѣвшимъ помыслу слово и дѣло быс. Мѣсто ж сіе быс преж сего новаго монастыря неравно, ино горы и (тѣсно) инож аки ров и лѣс велик; всеж сіе помощію Богородица зравняли; многы ж труды и поты в то время быша игумену и брати(и): ово землю преносаще на своихъ раменахъ, инож с ветхоу монастыря старыа келии и трапезу з горы под гору на собѣ ношаху; в ыныхъ же дѣлѣхъ припомагаше Мисюръ милостнею и иныа христіолубци, и тѣхъ милостнею древодѣлеи наимоваша. Потомъ ж воздвизаютъ и трапезу и церковъ святыхъ великихъ 40 мученик, иж в Севастіи (древяну), теплую. Дорофею ж игуменство держащу 4 лѣта, оставляетъ началство и отходитъ нѣкоего ради враждолюбца, монастырю ж еще строящус. По немъ же приѣмлетъ игуменство Герасимъ, Снятогорскаго монастыря священникъ; и тои велико потщаніе показа о строеніи монастырскомъ и тому 4 лѣта игуменство держащу, и от нѣкихъ зломыслениковъ и тому изшедшу; оба ж сіа игумена Бога ради и пречистыа Богородица трудишасъ, а не мзды ради коеса; бѣ оубо при ихъ игуменствѣ въ всемъ быс скудостъ и терпѣніа велика потреба в то время бываетъ; нынѣж Божіею милостію и пречистыа Богородица и (государя нашего и) великого князя (здравіемъ и) жалованіемъ хлѣбомъ доволни. Симъ ж всѣмъ бывающимъ и монастырю строящус и милостъ Божіа и Пречистыа Богородица нача множитис в семъ святемъ мѣсте. По освященіи ж церкви Богородичины в горѣ на второе лѣто начатъ Богородица чюдеса своя являти на чловецѣхъ...⁵⁰

Корнилий подчеркивает, говоря о “чюдесахъ”, что исцеления происходили не только с православными “правовѣрующими”, но и “с иновѣрными, сиречь от латыни немецкіа земли”.⁵¹

Весь этот отрывок из *Повести* дает красноречивый ответ на вопросы, поставленные выше: действительная картина перестройки обители, нарисованная Корнилиемъ, получила в обоих летописях неточное отражение и не может быть отнесена к авторству создателя *Повести*.⁵² При сопоставлении всех трех текстов, изла-

⁵⁰ *Повесть*, 549-551. Мы приводим эту пространную цитату ввиду трудности найти полный текст *Повести* и для того, чтобы напомнить о характере этого текста, на который ниже нам придется ссылаться.

⁵¹ Там же, 551.

⁵² Станнымъ образомъ Насоновъ, *Изъ истории...*, 262, не рассмотрелъ этой *Повести*, хотя занимался ее переделкой, произведенной в 80-х годах XVI века, повидимому, иконникомъ Григоріемъ. Ср. Серебрянскій, *Очерки...*, 46-55. Почему он ею не занялся? Не потому ли, что рассмотрение ее наносило сильнейшій удар всей концепціи о *Третьей* летописи, какъ созданіи Корнилія? Или же исследователь искренне воспринялъ, какъ доказанныя, утвержденія иконника Григорія, поскольку они казались возможной прямою цитатою изъ текста, якобы, написаннаго игуменомъ в Строевскомъ спискѣ?

гающих этот существенный момент монастырской истории, столь тщательно и реалистически описанный Корнилием, явно видно, что, хотя оба редактора обеих летописей знали текст *Повести*, хотя бы в извлечениях, включенных в “протограф”, как об этом свидетельствует указанная нами выше фраза “а монастырек был на версе горы”, они воспользовались материалом различно и в своих целях: Первая летопись занялась “культом” Мисюря, забыв о роли братии, а Третья летопись равнодушно, по небрежности, взяла часть фразы Корнилия (“...припомагаше им во всем Мисюрь...”, см. текст выше), выдвинула на первое место старца Филарета и вовсе забыла о роли игуменов, Дорофея и Герасима, особенно подчеркнутой в *Повести*. Несомненно, от старательной объективности изложения Корнилия здесь мало что остается. Более того, исчезновение в обеих летописях имен обоих игуменов, смещенных по проискам “нѣкоего враждолюбца” и “зломыслеников”, как отмечал Корнилий, наводит на мысль, что прототип “протограф” обеих летописей составлялся в кругах, завистливо и пристрастно относившихся к росту монастыря, повидимому, как будет показано ниже, в кругах псковского белого духовенства, сохранившего в своих руках — и после включения псковских территорий в пределы Московского государства — летописное дело.⁵³ Более того, факт смещения игуменов из-за обвинения их, повидимому, в бесхозяйственности, ибо Корнилий неслучайно подчеркивает их материальную незаинтересованность (трудились “не мзды ради коеа”, см. текст выше), привел к тому, что следующий игумен, выбранный в 1529 году, был уже не из местных иноков (Дорофей) и не из переведенных в обитель священников, т.е. иеромонахов, из других псковских монастырей (Герасим), а молодой — ему только 28 лет — постриженник, грамотей, энтузиаст, человек систематического ума и склонности к организованным формам монастырского жития, который, прибыв в монастырь или незадолго до смещения Герасима или

⁵³ Уместно припомнить, что историки, в общем, склонны считать, что псковское летописание велось, главным образом, при церквях, вероятно, при соборе Святой Троицы. Например: Н. Костомаров, *Лекции по русской истории* (Санкт Петербург, 1861), 74; В. С. Иконников, *Опыт...*, 809: “Невидно участия в летописи монастырей, как было, напротив, в других княжествах и Новгороде”; Н. Серебрянский, *Очерки...*, 34-36, подчеркивает случайность сведений о монастырях в псковских летописях. Насонов, *Из истории...*, 264-266, склонен предполагать, что в XVI веке летописные записи в Пскове велись “в нескольких местах одновременно”, но “вместе с тем нет оснований предполагать, чтобы в первые десятилетия после 1510 г. летописное дело в Пскове перешло в московские руки”.

сразу после, еще застал нестяжательский образ жизни: "...многожды же и не обрѣташес что ясть, и еже обрѣташес, отколе что Богъ пошлет или от жита или овса, то своима руками измилаху и в том хлѣбы себѣ творяху, таких же хлѣбов и яз застах в том монастырѣ; служба ж тогда была ж (в том монастыри) в церкви Пречистыа не по вся дни, но коли тыа игумены изволят..."⁵⁴ Можно с большой степенью вероятности предположить, что соглашение о назначении нового игумена было обусловлено и еще одним немаловажным обстоятельством: молодой Корнилий не был псковичом. Об этом свидетельствует та часть *Повести*, выше цитированная, где ее автор позволяет себе невозможное в устах псковича заявление, что "вся земля руская прославлена Богомъ ... сіа же земля пуста бѣаху и скудна таковыа благодати". Заявление, по существу дела, несправедливое, ибо историки насчитали по одним только упоминаниям в псковских летописях за период от конца XIII века до второй половины XVI столетия около тридцати монастырей, а по другим документам их было и больше и, несмотря на всевозможные оговорки, некоторые из них, как например, Довмантовский монастырь (существовал до XVII в.), Иоанно-Предтечев (в просторечии Ивановский на Завеличье), Спасо-Мирожский, Снетогорский, Елиазаров и другие, пользовались большой славой и были глубоко укоренены в псковской истории.⁵⁵ Сказать, что "сіа земля Псковская" была отчуждена "от Божиих даров" до того момента, как за постройку Псково-Печерского монастыря принялся "государя нашего и великого князя диак", было едва ли естественным для "уроженца свободной земли Псковской". Почтение к великому князю, подчеркивание, что Псков — "отчина" Василия III, перефраз знаменитой формулы Филофея в виде утверждения, что отныне Псковщина "красится сим святым мѣстом и як свѣтило сіает во вся конца" (вселенной) и что теперь "от всѣх градов и земли рускіа челоуѣци шествуют во Псковскую землю" обнаруживают в Корнилии более общерусские, промосковские чувства, чем местного, псковского, происхождения. У нас нет данных считать его переселенцем из Москвы, представителем второго поколения москвичей, сменивших выведенных "посадников и болших людей" и принявшего постриг, возможно, в Снетогорском монастыре, где у Кор-

⁵⁴ *Повесть*, 548.

⁵⁵ Серебрянский, *Очерки...*, 469-470, 483-484; Г. П. Федотов, *Святые древней Руси* (Нью-Йорк, 1960), 85-86, 150-151. Ср. работу И. К. Смолича: I. Smolitsch, *Russisches Monchtum* (Würzburg, 1953).

нилия был знакомый старец, судя по *Повести*. Но представляется правдоподобным считать его связанным с кругами новгородского архиепископа Макария, проводившего сходную линию общерусских настроений и безусловной поддержки авторитета московского великого князя. Именно в 1528 году Макарий начал свои реформы в новгородско-псковской епархии в отношении упорядочения форм монастырской жизни. Псково-Печерский монастырь, критикуемый до того за какие то упущения хозяйственного порядка, мог получить нового игумена именно “макарьевского духа” или даже макарьевской выучки в 1529 году, с тех пор “злоумышленники”, способствовавшие падению предыдущих игуменов, потеряли возможность вести интриги против нового главы обители, выбранного при согласии трех сторон — монастырской братии, монастырского донатора-представителя московского правительства и представителя высшей церковной власти, — как известно, епископа в Пскове тогда не было, и псковская церковная жизнь контролировалась новгородской архиепископской кафедрой.⁵⁶ Корнилий в *Повести* упоминает имя Макария только в формальной концовке своего сочинения: “Написана же быс сіа повесть в лѣто 1531, при дрѣжавѣ государя великого (самодержца нашего) князя Васи́лиа Ивановича всеа Руси и прі архіепископѣ Великого Новаграда и Пскова владыкѣ Макарии“, — как видим, здесь употреблена полная титуляция и в отношении главы государства и в отношении главы епархии: опять-таки черта едва ли воинствующе псковская, но скорее общерусская, московская, характерная для макарьевской школы мышления и действия. Именно в этом духе сообщает *Повесть* о согласии духовных властей в семидесятые годы XV века освятить церковь, выкопанную в горе священником Иваном, в иночестве Ионою, по происхождению своему “из дѣтска, Московскіа земля”, “при архіепископе Великого Новагорода и Пскова владыкѣ Феофиле и при князе псковском Ярославѣ Васильевичѣ”. Самое замечательное, что псковские священники собора “Святѣя Троица” отказали священноиноку Ионе в его “молении”, “дабы освящали храм в горѣ; онѣм же не хотѣвшим ради сего необычнаго мѣста”. Тогда Иона направился “ко архіепископу в Великіи Новаград и припадает к ногама святителя, просит, дабы повелѣл освящати храм в горѣ”. Архиепископ благославил этот план и

⁵⁶ О Макарии до его поставления в митрополиты, см. сводку: А. В. Карташев, *Очерки по истории русской церкви*, I Париж, 1959), 424-427; также: Серебрянский, *Очерки...*, 351-353.

приказал троицким священникам произвести освящение, что и было выполнено.⁵⁷ Таким образом Корнилий утвердил в *Повести* мудрость новгородского владыки над представителями псковского духовенства. Неудивительно поэтому, что в конце *Повести* молодой игумен, рассказывая о чудесах, давших славу Псково-Печерскому монастырю, подчеркивает: “свѣдетіемъ жъ нынѣ чюдесемъ Пречистыа Богородица не азъ единъ, но весь градъ Псковъ и Великіи Новградъ и вся земля христіанская.”⁵⁸ Как будто бы, совокупность всех этих характерных деталей должна привести к поддержке вышенамеченного мнения, что Корнилий не был псковичем, но, вероятно, новгородцем и — во всяком случае — сторонником общерусской ориентации архиепископа Макария, в 1542 году ставшего митрополитом Московским и всея Руси.

Вывод из этих сопоставлений текстов в отношении Третьей летописи свидетельствует против утверждений, что гипотеза о причастности игумена Корнилия к ее составлению основательна: напротив, *Повесть* показывает, что летописные сообщения о начале монастыря не написаны ее автором и что дух произведения не обнаруживает псковского патриотизма, а скорее общерусские и промосковские чувства.

Какой характер носят другие сообщения о Псково-Печерском монастыре в обоих летописях?

В Первой летописи, под 1521 годом, рассказывается о море во Пскове и как в связи с ним и с Успеньевым днем, монастырским праздником в Печерской обители, “иные (псковичи) поидоша к Печеру и молящеся пречистей Богородицы о избавлении града нашего, чтобы Господь Бог избавил от поветрия”.⁵⁹

В Третьей летописи, под тем же годом, лаконичное сообщение: “Того же лѣта бысть моръ от Ильина дни.”⁶⁰ Как видно, духовное значение для псковичей Псково-Печерского монастыря, подчеркнутое в Первой летописи, не интересовало составителя Третьей. Совсем не упоминается в ней сообщение аналогичного характера, помещенное в Первой летописи под 1532 годом: “а в то время псковичи (ходили молиться тоже в Успенев день) к Пречистой в Печеру”.⁶¹ Составитель Третьей летописи не обнаруживает интереса к упоминанию обители Корнилия.

⁵⁷ *Повесть*, 548.

⁵⁸ Там же, 551.

⁵⁹ *П.Л.*, I, 102.

⁶⁰ *П.Л.*, II, 227.

⁶¹ *П.Л.*, I, 105.

Первая летопись, под 1528 годом, сообщает о скоропостижной смерти дьяка Мисюрь-Мунехина и о том, что он погребен в Псково-Печерском монастыре, давая при этом полную иронию оценке деятельности московской администрации во Пскове, знак, что характеристика эта давалась значительно позднее, чем в год смерти Мисюря-Мунехина. Приведем текст полностью:

Тоя же зиме, месяца марта в 11, преставися дьяк Мисюрь Мунехин скорою смертию, и положен бысть в Печере, а жил во Пскове 17 лѣтъ; и нача князь великий живот его сыскивати; а на его мѣсто прислал Володимера Племянникова; и наидоша въ его казне книги вкратце написаны, комоу что дал на Москве бояром или дьяком или дѣтем боярским, и князь великий все то выискал на себя, а инья его племянники и подьячехи Ортюша Псковитянин, любезный его, на Москве и на пытки был; и бысть в людех мятеж великъ о его животех взыскание велие. И быша по Мисюри дьяки частые, милосердый Бог милостив до своего созданиа, и быша дьяки мудры, а земля пуста; и нача казна великого князя множитися во Пскове, а сами ни один не съѣхаше поздорову со Пскова к Москви, друг на друга воюя.⁶²

Роль Мисюря-Мунехина в отношении Псково-Печерского монастыря была, как мы выше видели, исключительной: именно он открыл новую — промосковскую и общерусскую — главу в истории обители. Если Третья летопись создавалась бы Корнилием, в монастыре, где нашел вечное упокоение знаменитый великокняжеский сотрудник, не только псковский администратор, но в прошлом и казначей и дипломат, а — главное — преданный энтузиаст идеи: Москва — Третий Рим, несомненно, кончина его и погребение в каком-либо Псково-Печерской обители (вероятно, по его собственному желанию) была бы отмечена в тексте, поскольку в *Повести* Мунехин изображен, как строитель, посланный Богом.⁶³ *Повесть* была написана в 1531 году, то есть три года после смерти дьяка и, значит, без возможной оглядки автора на Мисюря, как возможного читателя *Повести*. В тексте Корнилия просто отражалось восхищение деятельностью дьяка и уважение к нему. Он отозвался бы в летописи на смерть Михаила Григорьевича, да к тому же скоропостижную. Но в Третьей летописи нет ни слова о кончине Мисюря, хотя составитель только что на предыдущем листе упоминал о нем, говоря об основании монастыря, значит, знал что-то о Мисюре, но также значит, мало интересовался при подборе материала данными, относящимися к истории обители. Это наблюдение, уже

⁶² П.Л., I, 105.

⁶³ *Повесть*, 550.

подчеркнутое нами выше, подтверждается также двумя следующими сообщениями.

Первая летопись, под 1537 годом, сообщает:

Того же лѣта во Пскове старцы печерские оу своем дворе приезжем, поставиша церковь каменую на погребѣ за Николою святым пречистые Одегитрие, на Иванове дворище Познякове тверитина сведенного.⁶⁴

Третья летопись под тем же годом:

В лѣто 7045. Поставиша церковь ... а другоую на Печерском дворе.⁶⁵

Первая летопись, под 1540 годом, дает сведения о постройке церквей:

... а четвертая, в Печере Благовѣщение святеи Богородицы с трапезою, а святии 40 мученикъ снесоша на гору.⁶⁶

Третья летопись помещает то же сообщение с прибавлением трех слов:

... в приѣжжеи двор...⁶⁷

Очевидно, *и та и другая* летописи пользовались одними и теми же данными, но редакторы Первой летописи не включили в текст слова “в приѣжжеи двор”, повидимому, считая это ошибочным повторением в протографе слов и сообщения под 1537 годом, выше цитированных: “...старцы печерские оу своем дворе приезжем...” Равнодушный редактор Третьей летописи включил из протографа этот текст полностью, поскольку под 7045 годом сообщение было дано уже в усеченном виде, а, стало быть, у него и не могло появиться сомнений, аналогичных сомнениям составителей Первой летописи относительно слов “в приѣжжеи двор”.

Если эти примеры показывают отсутствие заинтересованности монастырем у составителя Третьей летописи, то еще более красноречива запись под 1547 годом в обоих летописях с упоминанием Псково-Печерской обители. Приведем оба текста полностью.

Первая летопись рассказывает:

В лѣто 7055. Государь нашъ князь великий Иван Васильевичъ бывъ в Великом Новогороде и з своимъ братомъ княземъ Юрьемъ; да и во Пскове былъ в вотчинѣ своей на поклонъ к живоначальней Троицы, декабря в 28, на

⁶⁴ П.Л., I, 108.

⁶⁵ П.Л., II, 229.

⁶⁶ П.Л., I, 109.

⁶⁷ П.Л., II, 229.

память преподобно(го) мученика Стефана Нового, да оу Пречистые был в Печерском монастыре, и деревень монастырю дал много, и исадами пожаловал многими...⁶⁸

Третья летопись включила иной текст:

Князь великий Иоан Васильевич да брат его князь Георгеи быша в Нове-городе и в Пскове, месяца декабря 28 (день), в неделю, одну ношь ночевавъ и на другую ношь на Вороначи был, а третьую ношь быть оу Пречистеи оу Печере, паки въ Пскве в среду, и быв не много, и поеде к Москвы с собою взем князя Володимера Ондрѣвича, а князь Юрьи брат его оста, и тои был немного и поеде и тои к Москвы, а не оуправивъ свои отчины ничего. А князь великий все гонял на мсках (ямских), а христианом много проторъ и волокиды оучинивъ...⁶⁹

Если автор Первой летописи, с радостным удовлетворением, отмечает, действительно, ценные пожалования Ивана IV (особенно рыбные ловли) Псково-Печерскому монастырю и при этом опускает упоминание о посещении государем также и “Синичьей горы”,⁷⁰ то редактор Третьей не интересуется специально детищем Мисюря-Мунехина, но, как бы смотря на сводку данных о передвижениях великого князя по Псковщине, отмечает их, по его мнению, беспорядочность и никчемность, хотя факт пожалований “Пречистии”, казалось бы, находится в остром противоречии с его обвинением в адрес великого князя, который не занимался делами своей отчины, а только “все гонял на ямских”. Не считал же редактор Третьей летописи Псково-Печерский монастырь, находившийся под особенным покровительством московских властей, выделенной, особой территорией? Во всяком случае можно быть уверенным в одном, что и здесь текст был взят из какого-то протографа, ибо в “Окончании” списка Оболенского, помещенного Насоновым в “Прибавлениях” к Первой летописи, мы читаем следующую историю, часть которой и привел редактор Третьей:

В лѣто 7056-го. Декабря въ 28 день, князь великий Иван Васильевич да брат его князь Георгии приѣхали с Москвы в пять днѣи в Великий Новград, и невѣдомо какъ увѣда казну древнюю сокровену в стѣнѣ создателем святыя Софѣя Премудрости Божия князя Владимира Великаго, и невѣдомо бысть о семъ никѣмъ, ниже слухом, ниже писаниемъ. И тогда приехав ношью и начат пытати про казну ключаря софѣиского и понамаря, и много мучивъ их не допытася, понеже не вѣдаху; и прииде самъ князь великий на всход, кудѣ восхожаху на церковныя полати, и на самомъ всходе, на правой странѣ, повелѣ стѣну ломати, и просышася

⁶⁸ П.Л., I, 112.

⁶⁹ П.Л., II, 230-231.

велие сокровище, древняя слитки в гривну и в полтину и в рубль, и насыпав возы, и посла к Москве. *И был в Новѣгородѣ одну ночь, ночовал в неделю, на другую ночь на Вороночи был у Пречистей Богородицы на Синичьи горы, а третью ночь был у Пречистые Богородицы в Печорахъ, а во Псковѣ в среду не много был, и поѣхал к Москве; и князь Володимиръ с ним, а князь Юрьи остался во Псковѣ, и побыл немного, и съѣхал к Москве.*⁷⁰

В Третьей летописи текст протографа сокращен до невнятицы: “быша в Новегороде и в Пскове, месяца декабря 28, в неделю, одну ночь ночевав”. — Где ночевал? Одновременно в обоих городах? Список Оболенского разъясняет эту неясность, дает больше деталей, опущенных редактором Третьей летописи и подтверждает, что был какой-то протограф, в который, возможно, входил и эпизод о вскрытии тайника в стене лестницы, ведущей на хоры в новгородском Софийском соборе. Наличие в обоих текстах редко употребляемой формы имени — Георгий вмѣсто Юрій — в отношении брата великого князя тоже показывает на существование протографа. Вся же поездка, в сопровождении и двоюродного брата государя, Владимира Андреевича князя Старицкого, носила на самом деле характер богомолья перед великими событиями в жизни Ивана IV, венчания, “генваря в 16 день”, на царство, а затем “февраля в 3 день” женитьба на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой.⁷¹

Едва ли можно было бы представить себе, что в этот момент спокойный и умный глава монастыря, только что осыпанного дарами великого князя, стал бы отмечать в летописи такие “прегрешения” великого князя, как “гоньбу на ямских”. Ясно, что посещение святынь Пскова (“на поклон к живонаначальноу Троицы” и промосковского монастыря) всеми тремя возглавителями династии (все трое, кстати сказать, еще юноши, Ивану Васильевичу исполнится 17 лет только 25 августа того же года) требовало быстрых передвижений и именно для этой цели существовала ямская служба,

⁷⁰ Следует отметить, что это сообщение в Третьей летописи свидетельствует в пользу предположения, что оно внесено в текст до 1563 года, поскольку, повидимому, монастырь “Пречистей Богородицы на Синичьи горы” возник около этой даты и, стало быть, Иван IV не мог в 1547 году ночевать в несуществовавшей обители. Ср. Серебрянский, *Очерки...*, 355-357. Эта подробность о Святогорском монастыре была внесена позднее, появившись в списках Оболенского и Снегиревского, соответственно, в П.Л., I, 116 и в ПСРЛ, IV, V, 342. Как будто бы, А. Н. Насонов, в своих комментариях, прошел мимо этой хронологической и исторической детали.

⁷¹ G. V. Vernadsky, “The Tsardom of Moscow 1547-1682”, *A History of Russia*, V, I, 30-31.

столь поражавшая воображение иностранцев: упрекать великого князя за использование ее, действительно, крайне мелочная придирка, совершенно, как кажется, не в духе автора *Повести*. Насонов, однако, *Повесть* 1531 года в своих гипотезах непринявший во внимание, включил это, только что разобранный текст Третьей летописи в список тех известий, которые характеризуют “резко враждебное отношение к власти великого князя московского” игумена Корнилия.⁷²

Надо подчеркнуть, что подозревать эту враждебность вообще нет оснований. Как показывает текст *Повести*, выше разобранный и обильно цитированный, молодой игумен полон общерусских, макарьевских, настроений и подчеркивает помощь монастырю, оказываемую Василием III. Сохранилось известие (точнее грамота), что в 1539 году

Корнилий получил от московского государя леса на три версты от немецкого рубежа, на юго востоке от нынешнего Нейгаузена, в Паниковской волости. Здесь, на черном лесу, в 1541 г. он поставил пять деревень, в которых, судя по их названиям, поселились латыши, чудь и русские. Они платили Корнилию от всякого хлеба и из мелкого обилья четверть или вместо четверти по I деньге псковской с рогача, т.е. с сохи.⁷³

Значит, Корнилий все расширяет хозяйственную базу своей обители, московские власти поддерживают его “пожертвованиями”. Одно из них отмечено в 1547 году Первой летописью, как мы видели выше. Жалованных или дарственных грамот в монастыре не сохранилось, но существует “реестр” Псково-Печерского монастыря, который был выписан из писцовой книги 1639 года. Грамоты эти были, в основном, различными жалованными грамотами Ивана IV игумену Корнилию.⁷⁴ Грамота от февраля 1547 г. жалует игумена Корнилия “против своего государева хлебного жалованья деревнями”. Грамота 1563 года “на пергамене” жалует особую честь: “велено ездити к государю со святою водою в год дважды на трех подводах; пожаловал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси.” Особое благоволение к Псково-Печерскому монастырю видно из грамоты 1539 года, согласно которой великий князь “не велел судити печерского монастыря игумена Корнилия з братею и церковников и слуг и крестьян и чюхнов, которые учнут

⁷² Насонов, *Из истории...*, 267-268.

⁷³ Серебрянский, *Очерки...*, 442, считает, что указанный размер денежной повинности “очень небольшой, посильный для земледельца”.

⁷⁴ Н. Н. Масленникова, *Присоединение Пскова к русскому централизованному государству*, из-во Ленинградского университета (Ленинград, 1955), 129.

жити во Пскове в Среднем городе на Печерском дворе и в деревнях”, редкий факт судебных привилегий, который подчеркивает положение обители, как любимого детища московских властей. В 1563 году в Сотной грамоте князь А. И. Елецкий, по повелению царя, описал владения монастыря по псковским книгам письма Захария Очина-Плещеева и Алексея Старого “с товарищи”, а также и в бывших ливонских землях, приписанных “к Тайловской губе”. Н. Н. Масленникова указывает, что

из последующих грамот становится ясным, что земли Псково-Печерского монастыря находились у самого рубежа, а с другой стороны к этим землям примыкали дворцовые земли великого князя и земли псковских помещиков, как об этом говорится в отмежном списке, составленном по указу Ивана IV В. В. Мосальским и Ушатым Михайловым сыном Шатого в 1566 году.⁷⁵

Иными словами: монастырь, возглавляемый игуменом Корнилием, беспрерывно богател, благодаря покровительству Василия III и Ивана IV. Не удивительно, что в Кормовой книге монастыря, заведенной Корнилием в 1558 году, Грозный был отмечен, как “взявший полнитель и пособник во всем строении монастырю сему”.⁷⁶ Можно ли думать, что Корнилий, полный религиозного энтузиазма и, в частности, миссионерского воодушевления, был бы враждебен московской верховной власти, столь беспрерывно и щедро поддерживавшей обитель? От 1538 года до 1565 года Корнилий перестроил или создал новые церкви в самом монастыре в честь Севастийских мучеников, во имя Благовещения пресвятой Богородицы и над крепостными воротами во имя св. Николая Чудотворца. Во Пскове было устроено монастырское подворье “Печерский двор” с каменной церковью во имя Одигитрии Божией Матери, в которой ежедневно совершалась служба. В тот же период Корнилий предпринял строительство огромного размаха: создал первоклассные укрепления вокруг монастыря, мимо которого, начиная с января 1558 года, шли на запад московские рати и в “катакомбах” которого, в горе, начали все чаще хоронить воинов, погибших в Ливонии.⁷⁷ Монастырь стал крепостью: стены общей

⁷⁵ Там же, 129-130.

⁷⁶ Серебрянский, *Очерки...*, 349.

⁷⁷ Серебрянский (Там же, 497) подчеркивает у псковского монашества отсутствие миссионерской и колонизаторской деятельности, так что работа Корнилия, во время Ливонской войны в особенности, по распространению православия (там же, 342-343) как бы иллюстрирует наше предположение, высказанное выше при разборе *Повести*, о том, что Корнилий не был псковичом

протяженностью около трех четвертей версты и до пяти сажень высоты, девять боевых башен.⁷⁸ Нет сомнения, что все это грандиозное строительство, законченное к 1565 году, производилось не только с ведома царя и “по благословлению” митрополита Макария, но и с помощью и с советом царских военачальников, приезжавших в эту православную твердыню “у Ливонского рубежа”. Воевода Павел Петрович Заболоцкий, позднее принявший здесь постриг и ставший иноком Пафнутием, недаром числился в “благотворителях обители”. Он и Никольскую церковь “на вратах” строил, находясь еще на командных постах в армии.⁷⁹ Укрепления Псково-Печерского монастыря оказались не под силу даже ударным частям армии Стефана Батория, осаждавшего в 1581-82 годах Псков.⁸⁰ Крепость была построена с полным пониманием тогдашней военной техники, знанием которой не мог обладать Корнилий. Значит, было сотрудничество с царем и его военными специалистами. Возможно, что вопрос о строительстве укреплений был решен при свидании игумена с царем в 1558 году, когда при взятии Ругодива (Нарвы) русскими войсками были “чудесно обретены” спасенные из костра две иконы (Богоматери-Одигитрии и Николая Чудотворца с Владимиром и бессеребряниками Кузмой и Дамианом). Оба образа были торжественно перенесены в Новгород и в Москву, и среди высшего

по происхождению. О деятельности его, как игумена, см. сводку: Серебрянский, *Очерки...*, 340-342. Ср. И. И. Полосян, *Социально-политическая история России XVI-начала XVII в.* (Москва, 1963), 94.

⁷⁸ Лучшая работа, посвященная всему комплексу построек (включая укрепления) монастыря, принадлежит Г. Рабиновичу, *Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря*, *Архитектурное наследие*, 6 (Москва, 1956), 57-86. К сожалению, исторические данные, приводимые в статье, иногда странны: например, вместо термина “ливонцы” и “Ливония”, автор пишет “лифлянцы” и “Лифляндия” и даже сообщает сенсационное известие о “семилетней войне с Лифляндией (1558-1565)”, когда “повидимому, Иван Грозный задумал строительство укреплений Псково-Печерского монастыря”, однако, две страницы перед тем сообщалось нечто иное, а именно: “В 1547 г. монастырь посетил Иван Грозный. Стратегическая роль монастыря к этому времени настолько возросла, что было принято решение о строительстве вокруг него крепостных стен” (?) ... Автор описывает, между иными, “Тюремную” башню. Такой никогда не было: она называлась или Круглой или Острожной (от древнерусского “острог”, т.е. обычно остроугольное сочетание стен за главными воротами, так что ворвавшийся сквозь ворота враг попадал, буквально, “из огня да в полымя”). Не было и никакого “Николы Вратаря”, но Николай Чудотворец и церковь его имени. И так далее. Кто ответственен за такую бескусную анти-историческую отсебятину? Автор или редакция?

⁷⁹ Andreyev, “Was the Pskov-Pechery Monastery...”, 490.

⁸⁰ См. сводку данных в: *Первоклассный Псково-Печерский монастырь*, 28-39; Andreyev, “Was the Pskov-Pechery Monastery...”, 327.

духовенства, совершавшего перенос по распоряжению царя, находился игумен печерский Корнилий из Пскова.⁸¹ Во всяком случае Корнилий явно понимал государственную важность борьбы с Ливонией и поддерживал ее со всей ему свойственной энергией (и постройкой укреплений, и немедленной миссионерской деятельностью на новых территориях, и всяческой поддержкой духа русских ратников).⁸² Из писем Курбского к старцу Васьяну Муромцеву, одному из высоко образованных монахов обители, становится ясным красноречивый факт, что монастырь отказал в повторном займе какой-то суммы князю Андрею Михайловичу, послания которого из Юрьева Ливонского содержали некоторую критику состояния дел в “Новом Вавилоне”, как было модно называть среди книжных людей Москву. Повидимому, такая критика вызвала у печерских старцев сомнения в характере дальнейшего поведения и судьбе Курбского.⁸³ Трудно объяснить отказ иными причинами, поскольку монастырь давал ссуды, подходя к ним с чисто хозяйственной точки зрения.⁸⁴ Вероятно, такой отказ воеводе, боярину, князю, свойственнику царя делался с ведома и с согласия игумена, который — надо это соображение особенно подчеркнуть — едва ли вел личную дружбу с Курбским, будучи значительно старше потомка “ярославских удельных” (разница в возрасте была больше четверти века).⁸⁵ Отзыв Курбского о Корнилие в его *Истории о великом князе Московском* не обнаруживает знания взглядов игумена, а скорее показывает на некоторую дистанцию между главой “Пречистые у Печеры” и просвещенным, именитым мирянином:

Тогда же убиен от него Корнилий, игумен, Печерского монастыря начальник, муж свят и во преподобию мног и славен: бо от младости своей во мнишеских трудах провозсиял, и монастырь он предреченный воздвиже и его многими труды и молитвами к Богу, идеже и бесчисленные чудеса прежде истекали благодатию Христа Бога нашего и пречистые Его Матери молитвами, поколь было именей ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егда же мниси стяжания почали любити, паче же недвижимые вещи, сиречь села и веси тогда утасоша божественная чудеса.⁸⁶

⁸¹ П.Л., II, 235-236. См. Andreyev, “Was the Pskov-Pechery Monastery...”, 338-340.

⁸² Там же, 327-329. Серебрянский, *Очерки...*, 342-344.

⁸³ Andreyev, “Kurbsky's letters”, 416-417.

⁸⁴ Срезневский, *Очерки...*, 404-406. Ср. Н. Н. Масленникова, *Присоединение Пскова*, 131-132.

⁸⁵ Andreyev, “Kurbsky's letters”, 434.

⁸⁶ Князя А. М. Курбского: *История о великом князе Московском* (Извлечено

Характеристика Васьяна Муромцева, который был немного старше Курбского и к которому последний обращался, как к равному: “Прелюбезный мой друже”,⁸⁷ более конкретна:

Тогда вкупе убиен с ним другой мних, ученик того Корнилия, Васьян имянем, по наречению Муромцов; муж был ученый и искусный и во священных писаниях последователь.⁸⁸

Как мы видели выше, не только расцвет монастырского хозяйства падает на время игуменства Корнилия, но в своей *Повести* 1531 года он сам признавал благотворное значение для обители материальной обеспеченности. Вся его игуменская деятельность противоречит принципиально-нестыжательским рассуждениям Курбского, который в своей *Истории*, направленной против Ивана IV, не особенно гнался за истиной в оттенках и подробностях, стремясь только к самому главному — к смещению самой возможности для Грозного кандидатуровать в польские короли.⁸⁹

Таким образом, представляется несомненным, что известные нам факты жизни и деятельности Корнилия не дают материала для подтверждения гипотетических толкований А. Н. Насонова, выше изложенных.

VI

Но какова же общая идейная направленность Строевского списка, т.е., по Насонову, псковской Третьей летописи, до 1552 года? Насонов, как было указано, сравнивал текст Третьей летописи с Первой. Мы сделаем то же сравнение сейчас.

Рассмотрим сообщения летописей с момента включения Пскова в Московское государство, т.е. с 1510 года. В первую очередь рассмотрим сообщения Первой летописи, “промосковской”, по мнению Насонова.

Псков, хотя и издавна опирался на Москву в своей постоянной борьбе с ливонцами и литовцами,⁹⁰ был подчеркнуто “народо-

из *Сочинений князя Курбского*), издание Императорской Археографической комиссии (Санкт Петербург, 1913), 160-161.

⁸⁷ Andreyev, “Kurbsky's letters”, 434.

⁸⁸ Князя А. М. Курбского: *История...*, 161.

⁸⁹ А. А. Зимин, “Когда Курбский написал *Историю о великом князе Московском?*”, *Труды отдела древнерусской литературы*, XVIII (Москва-Ленинград, 1962), 305-308.

⁹⁰ Масленникова, *Присоединение Пскова...*, 180; Andreyev, “Filofey...”, 17.

правческим” в своей внутренней организации. Псковские летописи за период 1138-1510 годов, т.е. за 372 года, отмечают 220 народных собраний, кажется, не меньше, чем в Новгороде.⁹¹ Летописи до 1510 года полны отстаивания “общепсковских интересов”, как понимало их вече, и, в частности, не любят церковный контроль, исходящий от новгородских владык. Псков, “меньшой брат” Господина Великого Новгорода, неоднократно враждует со “старшим”, стремясь к защите своих собственных интересов, и даже открыто помогает Москве в ее борьбе с Новгородской республикой.⁹²

Предчувствуемый некоторыми, как, например, старцем Филофеем, решающий ход “Третьего Рима”, когда в 1510 году Василий III решил окончательно покончить с народоправческой организацией псковской политической жизни и включил “свою псковскую отчину” в Московскую державу, был — совершенно естественно — воспринят вольнолюбивыми псковичами с горечью и с бессильным раздражением. Первая летопись, “промосковская”, по Насонову, включила подробное описание событий, *Взятие Псковское*,⁹³ в конце которого помещены, повидимому, некоторые отрывки литературно выразительного “Плача” по псковской вольности:

И тогда отъятца слава псковская. О славнѣишии во градах великии Пскове, почто бо сѣтоуеши, почто бо плачеши? И отвѣща град Псков: како ми не сѣтовати, како ми не плакати; прилѣтѣл на мене много крыльнн орел, исполнь крыле (львовых) ногтей, и взя от мене (три) кедра древа ливанова (и красоту мою и богатство и чада моя восхити), попустившу Богу за грѣхи наша, и землю нашу поусту сотвориша, и град нашъ разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иныя торжища калом коневым заматаша, а отца и братию нашу розведоша, где не бывали отцы наши и дѣды ни прадѣд наших, тамо отцы и братию нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в пороугание даша. А иныя во граде мнози постригахоуся в черныцы, а жены оу черницы и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иныя грады.⁹⁴

После этого появляется традиционное объяснение событий: за грехи наши ниспосланы “казни”, а, если не покаются, может быть и худшее наказание. И, перечисляя первые московские назна-

⁹¹ Иконников, *Опыт...*, 811.

⁹² Andreyev, “Filofey...”, 17.

⁹³ П.Л., I, 92-97.

⁹⁴ Там же, 95-96.

чения и мероприятия, летописец немедленно позволяет себе общение, направленное против нового режима:

И оу намѣсников и оу их тиоунов и оу дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетѣло на небо, и кривда начаша в них ходити, и быша немилостивы до пскович; а псковичи бѣдныя не вѣдаша правды московския..... И тые намѣсники, их тиуны и люди пиша изо псковичь крови много; а кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разыдошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи осташа, ано земля не раступитца, а оуверхъ не взлететь.⁹⁵

Редактор Первой летописи более чем отчетливо понимал неотменяемость “псковского взятия” и необходимость подчиниться всем московским требованиям, чтобы “государь нашъ князь великий” “нас не погубил до конца”. Но и понимая эту необходимость принять исторический факт, менявший судьбу Пскова, редактор не скрыл мотив “плача и рыдания”, пронизывающий весь этот летописный рассказ под 1510 годом, когда псковичи “плакали по своей старине и по своей воли”, особенно 13 января, когда “спустиша вечной (вечевой) колокол Святыя Живоначальныя Троица”.⁹⁶ Найти в таком скорбном тексте “промосковские настроения”, пожалуй, дело безнадежное.

В псковской Первой летописи, изданной в 1848 году, были и еще два мотива, ныне переброшенные Насоновым в “Прибавления” к Третьей, но не входящие в Строевский список:

От начала убо Рускія земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе... И бысть пленен не иноверными, но своими единовѣрными людьми. И кто сего не восплачет и не возрыдает?⁹⁷

Общее настроение с начала конфликта и до установления новых порядков в Пскове выражено в следующих, едва ли “промосковских” словах:

И нападе на них (псковичей) страх и трепет, и таковые смяти пришли на их оуста, и многожды приходили Нѣмцы ко Пскову, а таковые бѣды и сухоты не бывало; и вещь поставя начаша думати, ставити ли щить против государя, запираитися ли во граде; ино помянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнути против государя, а посадники и бояре и лутчие люди вси у него.⁹⁸

⁹⁵ Там же, 96-97.

⁹⁶ Там же, 94.

⁹⁷ П.Л., II, 253, 257.

⁹⁸ П.Л., I, 93.

Не удивительно при таком настроении в Пскове, что летопись отмечает противоречие между жалованной грамотой псковичам, данной великим князем, и административной практикой новых властей:

И начаша намѣсники, над псковичами силоу великоу чинити, а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублиев и по 7 рублиев и по 5 рублиев: и псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что им от поруки имати, и они того убили, а говорили: то де тобѣ смердь великого князя грамота ... Того же лѣта к Троицыну дни приехаша гости сведенные москвичи з десяти городов 300 семен, а пскович только же сведено; и начаша им дворы давати в Среднем городе, а пскович всѣх выпровадиша из своих дворов.⁹⁹

Под 1512 годом помещено, едва ли “промосковское” сообщение о гибели многих псковских пищальников под Смоленском, где был для них театр военных действий необычен “и бысть им тяжко вельми” и много их погибло, “зане же оны пьяны лѣзли” в бой, а мед и пиво “даше князь великий”.¹⁰⁰

Под годом 1514 годом помещено еще одно примечательное известие:

Бысть побоищ велие москвичем с Литвою под городом под Оршою; и възкличаша и возопиша жены орѣшпанки на трубы московския, и слышаше быти стую и грому великому и между москвич и Литвою. И вдариша москвичи на Литву, руския князи и бояре з дивными оудальцы роускими сыновами на сильную рать литовскую, и трѣснули копья московская, и гремять мечи боулатные о шеломы литовския на поли Орпшском. И бысть непособие Божие москвичам, и поймаша Литва поганая больших воевод, Ивана Ондрѣевича и князя Михаила Голицоу, и иных князеи и бояр и детей боярских оудалых, а иные побегоша къ Смоленську, а иные в реки непроходимыя забегоша.¹⁰¹

Запись эта, как нам представляется, не есть просто “запись факта” о поражении московских войск, но содержит в себе некоторую иронию в отношении москвичей: литературное оформление начала сообщения отражает мотивы и словарь *Задоницыны*, поэмы о русской победе, и вдруг превращается в эхо *Слова о полку Игореве*, великой поэмы о русском поражении. Летописец-редактор не проявляет, открыто антимосковских чувств, но как-бы снижает воинскую славу московских воинов и переводит вопрос в “непособие Божие москвичам”.¹⁰² Этот мотив Божьего решения проходит

⁹⁹ Там же, 96-97.

¹⁰⁰ Там же, 97.

¹⁰¹ Там же, 98.

¹⁰² Об этом тексте см.: М. А. Салмина, “Рассказ о битве под Оршой Псков-

через всю Первую летопись. Ирония в отношении московских властей демонстрируется еще только один раз, в сообщении о последствиях смерти дьяка Мисюря-Мунехина.¹⁰³ Большое и сочувственное внимание вызывает у редактора деятельность архиепископа и позднее митрополита Макария.¹⁰⁴ Интересно, что неизменно подчеркивается роль Ивана IV, начиная, как ему стало “пять лет возрастом” — замечание, звучащее тоже иронией по контрасту между пятилетним великим князем и сложностью проблем, им “решаемых”.¹⁰⁵ Под 1541 годом, как бы для объяснения такого несоответствия, помещено замечание, что великий князь “млада возрастом, 11 лѣтъ, и старейша умом”.¹⁰⁶

Иными словами, Первая летопись, за период 1510-1547 годов, начинается на сугубо псковском материале, подчас полным бесильной скорби или риторического сарказма, но вскоре она наполняется информацией также общерусской, великокняжеской и из Макарьевских кругов. Мы не знаем протографа этого свода, но псковский материал в нем или строго фактичен, или же, как мы выше видели, оставался ироническим в отношении московских властей во Пскове, — несомненное исключение делалось для немногих, в том числе для дьяка М. Г. Мисюря-Мунехина.

Свод 1547 года создавался, по всей вероятности, при соборе Пресвятой Троицы во Пскове, — мысль Костомарова, с которой согласны все другие исследователи, включая и Насонова.

Строевский список, т.е. Третья летопись, был создан, по мнению Насонова, на базе того же протографа, какой лег в основание Первой летописи. В чем же разница между двумя сводами? И о чем свидетельствуют индивидуальные особенности свода 1567 года?

ской летописи и *Задонщина*”, *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла* (Москва-Ленинград, 1966), 524-525. Нам представляется замечательным самый поворот рассказа — описание, в конце концов, поражения: в этом, кажется нам, подтверждение, что автор летописного сообщения *знал* о существовании *Слова о полку Игореве*, — разумеется, это особая тема, но ее следует отметить даже мимоходом.

¹⁰³ П. Л., I, 105. Кстати, упоминаемый подьячий Ортюша Псковитин, помощник М. Г. Мисюря-Мунехина, стал, повидимому, иноком Арефой, что соответствовало бы традиции, чтобы постригаемый принимал имя святого, начинавшегося на ту же букву, в данном случае Артемий и Арефа. В синодике над Арефой надписано “подьячий” и помещен он вслед за именем своего начальника, “Михаила Мисюря Мунехина”.

¹⁰⁴ Там же, 103, 104, 106, III.

¹⁰⁵ Там же, 107.

¹⁰⁶ Там же, 110.

События 1510 года, являющиеся, естественно, мерилom “псковской направленности” в летописных сообщениях, сведены в Строевском списке, как бы, к конспекту событий, к пересказу их, поскольку мы знаем их по изложению в Первой летописи:

В лето 7018. Приехал въ Псковъ князь великий Василен Иоанович, месяца генваря 24 день, и обычеи псковской переменилъ, и стариноу пороушилъ, забыв отца его и дедов его слова и жалованья до пскович и крестного целования, да вставилъ свои обычеи и пошпины новыя оуставилъ и дьяка Мисюря, и триста людеи, да с Старого Застения выпровадил пскович, да тоуто велѣл жити приведеннымъ гостемъ; а в Застеньи было дворовъ 6500; а с Кромю велѣл клети выпрятати, и Кром бысть поустъ. И бысть въ Пскове плач и скорбь велика разлучения ради. Да в Новгороде жалобничковъ засадилъ, изымавъ 300 человекъ, пскович же. А все писал Псковою мялко: яз деи князь великий Василен Иванович вас отчиноу свою хочю жаловать по старине, а хочю побывать оу святой Троици, оуправы вам хочю учинити.¹⁰⁷

Действительно, новых мотивов в этом сообщении нет. Есть разница в терминологии: вместо — Середний город, здесь написано — Старое Застение, Застенье. Единственная фактическая деталь, которая отсутствует и в Первой летописи, и в “Окончании” Архивского 2-го списка,¹⁰⁸ и в “Отрывке” из Копенгагенского сборника,¹⁰⁹ выражена в известии (см. выше) о Кроме, т.е. Детинце. Это известие полностью подтверждено повестью *Взятие Пскова*, написанной с московской точки зрения и не вошедшей в летописи, где мы читаем: “...а из Кромю велел псковичем всем статки свои и хлеб вывести по домом, да и клети свои ис Кромю велел вывести. А в Кромю не велел быти ни у кокова псковитина никакой рухледи, ни запасу.”¹¹⁰ Уже представляя себе манеру составителя Третьей летописи, мы видим и здесь ее продолжение: сокращение имевшихся материалов или текста протографа.

В Третьей летописи нет ни “Плача” по вольности, ни рассуждений о необходимости покаяния в грехах: “а мы непоякохомся, но на большой грѣх превратихомся, но на злыя и лихия поклепы и оу вѣчыи кричание, а не вѣдоуще глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градом наряжати.”¹¹¹ Все это

¹⁰⁷ П.Л., II, 225.

¹⁰⁸ Там же, 258.

¹⁰⁹ Там же, 229.

¹¹⁰ Н. Н. Масленникова, *Присоединение...*, “Приложение”, 194.

¹¹¹ П.Л., I, 96.

сведено в одну фразу: “А все то за наше съгрѣшение такъ Богъ велѣлъ быти”.¹¹²

Но затем в тексте следует как-бы комментарий к событиям, прямо противоположный только что приведенному “примирительно-самокритическому” в Первой летописи:

...Зане же написано Пакалислеи глава 54: пять бо цареи миноуло, а шестиы естъ, но не оу бе пришел; шестое бо царство именуует в Роуси Скивскаго острова; си бо именуует шестиы, и седмы по том еще, а осмыи антихрист. Се бо Христос въ святом Еуангелии глагола: да не боудет бѣжество ваше зиме ни в соуботоу; се оубо царствоу разширятся и злодействоу оумножитися. Ох, оувы, до нас Исус Христос Богъ нашъ избавить отъ от всего зла и вѣчнаго мучения и сподобит нас вечных благ, молитвами святаы Богородица и всѣхъ святых, аминь.¹¹³

Сам по себе этот выпад против идеи царства не удивителен при падении Псковской республики, и мы выше уже встречались с республиканскими мотивами в некоторых летописных списках. Насонов называет этот текст “пародией на слова Филофея”, повидимому, он имеет ввиду послание старца Елиазарова монастыря Ивану Васильевичу.¹¹⁴ Есть ли в Третьей летописи еще иной материал такого же звучания? И можно ли считать его вставками редактора свода, принадлежащими его личному творчеству, или принадлежащими какому-то протографу?

Под 1523 годом мы читаем:

Князь великий Василей Иоанович постриже княгиню свою Соломонею, а Елену взят за собя; а все то за наше согрѣшение, яко же написалъ апостолъ: пуща жену свою, а оженится иною, прелюбы творит.¹¹⁵

Значит, составитель летописи выдвигает здесь мотив о недопустимости второго брака: тема эта получила некоторое звучание в Пскове специально в отношении священников. К этому мы вернемся несколько ниже.

Под 1547 годом помещено выше нами разобрannое известие о приезде на Псковщину великого князя Ивана IV, в котором составитель летописи критиковал, с очевидной неосновательностью,

¹¹² П.Л., II, 225.

¹¹³ Там же, 225-226. Подразумевается “Апокалипсис”, глава 17, стихи 10-12.

¹¹⁴ Насонов, *Из истории...*, 267. Об этом послании см. N. Andreyev, “Filofey and his Epistle...”, in: *Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine inheritance* (London, 1970).

¹¹⁵ П.Л., II, 227. Подразумевается “Евангелие от Марка”, глава 10, стихи 2-12.

действия молодого государя¹¹⁶ и непосредственно после этого прибавлял:

Да тоя зиме, месяца февраля 2, князь великий женися, и поят княгиню Настасью во вдовыя оу Романовския Юрьевича, и быша вѣнчаны царскими оутварми, и восхотѣ царство оустроить на Москве; и яко же написано в Пакалепсеи, глава 54: пять бо царевъ миноуло, а шестой есть, но неубо бе пришло, но се абие оуже настало и приде; а венчались месяца генваря 16 день, а бракомъ съчтались месяца февраля 2.¹¹⁷

Не может не обратить на себя внимания факт, что здесь сливаются два мотива: уже известный нам “республиканский протест” против идеи царств и некоторое раздражение автора в связи с женитьбой молодого царя. Не находится ли в сочетании этих двух мотивов “ключ” к выяснению вопроса, к какой группе псковского общества мог бы принадлежать редактор свода 1567 года?

Мы можем заключить из выше разобранных текстов, что составитель Третьей летописи вовсе не был заинтересован в судьбе Псково-Печерского монастыря, он вообще не был слишком внимательным автором в изложении фактов и преимущественно занимался сокращением текстов протографа, он был чужд общерусских настроений и не видел в Москве Третьего Рима, венца и светоча православия, а одно из мрачных воплощений апокалипсических видений. Нам представляется, что редактор Строевского списка был из рядов псковского белого духовенства и, можно предположить точнее, был одним из “вдовых попов”, которых, по установившемуся в Пскове обычаю, отправляли в какой-либо из монастырей.¹¹⁸

Именно поэтому мы наблюдаем в созданном им списке своеобразное отношение к этой теме. В Первой летописи под 1504 годом был помещен целый трактат о том, что “многие священники, попы и дьяконы, вдовцы заблоудили от истины”, держали у себя наложниц. Симон, митрополит всея Руси, в этом своем послании, специально адресованном Пскову, строжайше запрещал подобное поведение и указывал способы искоренения таких нравов, рекомендуя принятие в некоторых случаях иноческого чина.¹¹⁹ Летопись указывала, что “а сия грамота легла пред посадники псковскими и священники оу лавицы августа въ 11 день”. Этой справкой под-

¹¹⁶ Там же, 230-231.

¹¹⁷ Там же, 231.

¹¹⁸ Серебрянский, *Очерки...*, 482-483.

¹¹⁹ *П.Л.*, I, 88-89.

черкивалась для Пскова важность документа. Характерно, что Третья летопись ограничивается одной лаконичной фразой: “Того же лѣта отставиша вдовых попов от слоужбы”.¹²⁰ Создается впечатление, что распоряжение митрополита Симона, сделанное, как он сам пишет, в согласии с Иваном III и “с сыном его, великим князем Васильем Ивановичем” и с новгородским и псковским архиепископом Геннадием, “и со всѣми епископи руския нашея митрополюи, архимандриты и с ыгумены и со всѣм священным собором”, не слишком интересует редактора свода, хотя оно специально адресовано “намѣстнику псковскому князю Дмитрею Володимировичю, и всѣм посадникам псковским и собороу святыя Троица и собору святыя Софьи и собору святого Николы и всѣм священником”. Или, может быть, это распоряжение ему не по душе? Именно на такое объяснение наталкивают уже вышеприведенные цитаты под 1523 годом, в связи со вторым браком Василия III, и под 1547 годом, в связи с браком Ивана IV, когда, как мы видели, составитель свода, повидимому, явно отходит от какого-то протографа и позволяет себе не только “республиканскую” ноту протеста против нового царства, но и дополняет каким-то личным раздражением, не направленным против личностей двух московских государей, а против факта их браков, несомненно важных для укрепления государства. Если мы припомним, что деятельность Макария, как новгородского и псковского архиепископа, была направлена на поднятие нравственности среди церковных людей, мы сможем понять раздраженность составителя Строевского списка против высокопоставленных нарушителей ее. Приведем примеры.

В Первой летописи под 1523 годом писалось: “...а великому князю своя бысть кручина о своей великой княгине...”, и дальше излагалась повесть “о неплодии Соломонии”, кончавшаяся: “И повелѣю пострищи в черницы.” Там же, под 1524 годом сообщалось:

Тоя же зимы о свадебницах оженися государь нашъ князь великий Василен Ивановичъ, царь всеа Роусии, оу вдовы оу княгини Аннѣ, оу княж Васильевы Темного Лвовича, великою княгинею Еленюю; и оженися, яко лѣпо бѣ царемъ женитися.¹²¹

Именно на эти сообщения реагировала Третья летопись уже известным нам замечанием о “прелюбодеянии”.

¹²⁰ П.Л., II, 224.

¹²¹ П.Л., I, 103. А. А. Зимин, *Россия на пороге нового времени* (Москва, 1972), 294-299, дает интересную сводку данных об обстоятельствах развода Василия III.

В Первой летописи, под тем же годом, много места отведено восхвалению Макария, только что поставленного в новгородские архиепископы, и сообщается, что архиепископ сразу из Москвы послал распоряжение “в Великии Новгород и Псков” в ектениях “молити Бога и пречистей его Богоматери, и чудотворцов о государе нашем великом князи Василье Ивановиче и его благовѣрной княгине Елене, чтобы Господь Богъ дал им плод чрева их”.¹²²

Повидимому, по тем же причинам, что и в других случаях, создатель Строевского текста взял из протографа несколько сокращенных сведений о постройках церквей и каменного укрепления на Гремячей горе (выкинув, между прочим, имя строителя, т.е. имя Мисюря-Мунехина), а весь большой и разнообразный материал о Макарии свел к одной лапидарной фразе: “Того же лѣта поставиша Макарью архиепископом в Великои Новгород и Пскв.”¹²³

Нельзя объяснить такого рода сокращения или раздраженные формулировки только “республиканской традицией” составителя свода: если бы это было справедливо, тогда у него было бы неизмеримо больше выходов против московского правительства, однако, редактор впадает в некую ярость именно тогда, когда затронута тема великокняжеского брака, которая, конечно, тесно связана с идеей царства. Поскольку мотив этот повторяется, он не случаен.

Первая летопись под годом 1534, описывая события в связи со смертью Василия III, сообщила:

Того же времени приняша (схватили, арестовали *Н. А.*) князь великий и его прикащики дядю своего князя Юрья Ивановича после смерти отца своего в Бозѣ.¹²⁴

Третья летопись, составлявшаяся, по ряду признаков, позже, немедленно сообщение продолжило:

Лѣта 7042-ого. Преставися князь великий Василей Иванович декабря в 4, и поставиша на княжѣньи вѣликомъ на Москве Иоана Васильевича: а дядю его князя Юрья оу крепость посадиша и оумориша.¹²⁵

Если мы вспомним, что новому великому князю было в этот момент только 3 года, то, очевидно, ответственность за такие мероприятия была не столько его, сколько матери его, Елены Глинской,

¹²² Там же, 103.

¹²³ П.Л., II, 227.

¹²⁴ П.Л., XXI, 106.

¹²⁵ П.Л., II, 227-228.

той самой, которая “соучаствовала” в “прелюбодиянии” второго брака Василия III. Было ли сообщение о смерти Юрия Ивановича, который умер 3 августа 1536 года “в ызыманіи”,¹²⁶ в протографе? Мы этого не знаем, но упоминание об этой смерти в Строевском списке именно в данной связи с темой брака представляется внутренне мотивированным.

Наше предположение поддерживается еще одним сообщением.

Первая летопись под 1534 годом дала сведения, прямо относившиеся к хронике псковской жизни:

Тоя же зимы в великий постъ засадиша на Москве царя Шигалѣя Тотарскаго и послаша его на Белоозеро, а людеи его по городом розведоша, во Тверь и в Новгород и во Псков, Тотар з женами и з детми; и приведоша их во Псков, и нарядиша им избы и весь наряд дворныи на ямьском дворе у Тroupѣховских ворот.¹²⁷

Там же, под 1535 годом, помещено дальнейшее известие:

Того же лѣта, месяца июня в 26, посадиша Тотар царя Шигалѣя людеи 73 в тюрьмоу в Середнемъ городе под Боурковским костром от Великие реки, на смерть, и малых дѣток 7 в том же числе, и тѣ изомроша в день и в ночь, и выкида их вон, а восемь живы остася в тюрьме ни поены ни кормлены на многи дни, а тѣх прибиша: а катуanei (татарки *Н.А.*) посадиша в ыноую тюрьмоу, легчее и виднее оу Тroupѣховых воротъ к Василью святому на Горкоу.¹²⁸

Оба эти известия, помещенные в “промосковском”, по Насонову, своде, прошли как будто бы незамеченными составителем Третьей летописи, но он немедленно реагирует, читая в протографе следующую информацию, выраженную в своде 1547 года так:

Тоя же зимы (1536 года *Н.А.*), по Крещении Господни, архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Макареи приехал во Псков на 4 год (в четвертый раз *Н.А.*), и оупроси оу великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и оу его матери великой княгине Елены, во вдовы, на свое бремя Тотар царя Шигалѣя людеи жен, кои сидѣли в тюрьмах в Новгороде и во Пскове, и подаваше их священником, и повелѣ их крестити во крестьяньскоую вѣроу: и бысть радость велиа в людех о новокрещеных, и начаша их священники давати замуж, а онѣ к вѣре крестьяньской добры быша.¹²⁹

¹²⁶ ПСРЛ, XIII, 90.

¹²⁷ П.Л., I, 106.

¹²⁸ Там же, 107. М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева, том II (Е-МУЖ) (Москва, 1967), 211, пишет: “*катуна* ‘татарка’, только в Сказ. Мам. 3” и т.д. Но, как видно, оно есть и в псковской летописи.

¹²⁹ Там же, 107-108.

Уже в знакомой нам, предельно сжатой, форме составитель свода 1567 года отзывается на эту страшную историю:

Того же (году) Тотарок крестиша; а моужен их оуже оутошили в тюрьми 72 человека.¹³⁰

Кто же этот составитель? Как нам представляется, он — не монах: интересы его общепсковские, он — республиканец, но страстная нотка звучит не только при теме царства, но и при теме брака и — что бросается в глаза — при теме *второго* брака. Он — “вдовый поп”, овдовевший во время “мора великого въ градѣ Псков” в 1552 году:

...Мряхоу бо многие священники и диаконы, младые, а старые Богъ съблюдаше, мнози тогда священники обовдовеша, мроша тогда многия простыа люди железоу. Бысть во градѣ плач неоутѣшимыи, отцы плакаша по дѣтехъ, а дѣти по отцах и по матерехъ, а матери по чадѣхъ, жены же по мужах своихъ, а моужи по женах своих: и в год положили оу скоуделницахъ полъ третьяцать тысячь, а по буюм не вѣмъ колко числом.¹³¹

Безусловно, текст этой записи несравненно более эмоционален, чем иные, нами цитированные выше, а главное: текст длиннее, чем другие, склонные к сжатости и поэтому иногда ущербные в отношении подробностей, и кроме того здесь употреблена форма первого лица при описании, “не вѣмъ”. За два года до этого описания мора описан большой пожар во Пскове, и здесь опять чувствуется непосредственная эмоция, столь редкая в Третьей летописи:

Лѣта 7058. Месяца марта 23 день, нашего ради съгрѣшения, загореся к томоу дни нощию оу Песках, оу святого Михаила оу монастыре; и погоре от Большой стене и до Старого Застенья, и ничто же не оста, но токмо оу Трупеховыхъ оу полевыхъ воротъ оста 5 дворовъ да поушечней сарай на Коневой площади. А каменныхъ церковей погорело 31, а в Домантовы стены 2 церкви огорело, Ероусалим да Федор, тол (столь Н.А.) же страшно запаление и трескота, горение, яко бѣгати и мястися от страха и трепету и боязни, и многим животам пригоревшим, яко умъ человекъ не исповѣсть. А меншиа люди начаша грабити богатыхъ людей животы, а гасить не оучали, а все то за наше съгрѣшение, рагоза и нелюбовь; а деревяныхъ церквей 15, а Михаила святыи оу Пѣска кахъ церковь развалилася, а Воздвиженье и Власей церкви порасседалися.¹³²

Нам представляется, что такое описание должно быть сделано человеком, непосредственно пережившим такое “запаление” и

¹³⁰ П.Л., II, 228.

¹³¹ Там же, 233.

¹³² Там же, 231-232.

прекрасно знающим Псков. Очень интересно появление “социального мотива”: грабеж “меньшими людьми” имущества богатых. Поскольку этот мотив в рассматриваемой нами части Третьей летописи оказывается новым, возникает естественное предположение, что составитель свода сам наблюдал эти “рагозу (ссору Н.А.) и нелюбовь”. Не мог ли быть, в таком случае, таким наблюдателем, а позднее описывателем в Третьей летописи священник Иван Амбросьев, бывший просолом, т.е. скупщиком и перекупщиком, иначе говоря, типичный представитель деятельного псковского белого духовенства? Об нем Третья летопись пишет следующим образом:

В лѣта 7056-го. Месяца июля въ 8 день поставлена бысть церковь в Довмантовы стены и освящена святого великомученика Георгия, при цари великом князи Иване Васильевиче самодръжцы всея Роуси; а строил поп той церкви Иван Амбросьев Просол церковною казною.¹³³

Само собой разумеется, что, если он овдовел — и, возможно, именно во время мора 1552 года — отсюда эти несколько личные детали в описании: “мряхоу бо многие священники и диаконы младые, а старые Богъ съблюдаша”, эхо личных впечатлений, а фраза “мнози тогда священники обовдовеша” в сочетании с упоминанием плача мужей “по женах своих” звучит, как горестное признание невознаградимой утраты. В описании пожара 1550 года появляется момент зажиточности, который, в соединении с иными мотивами, подкрепляет наше предположение, что речь идет о священнике-прасоле, который построил церковь св. влм. Георгия “в Довмантове стене”. Имя строителя — “поп Иван”. Не к нему ли адресовано письмо Корнилия, инока Снеогогорской горы, “к сыну его попу Иванну хотящу второму браку сочетатися”? Снеогогорский Корнилий убеждает своего, повидимому, духовного сына не снять сан ради второго брака и высоко оценивает личность священника Ивана, называя его человеком “великого разума” и так далее. Есть основания полагать, что это послание было написано около 1562 года, может быть, несколько раньше.¹³⁴ Выше, в нашем примечании 70, мы установили, что сообщение 1547 года в Третьей летописи (о ночевке великого князя в Вороничах) не могло бы быть написано позднее 1563 года. Значит, мы в праве предположить, что поп Иван, даровитый и предприимчивый, прасол, строитель

¹³³ Там же, 231.

¹³⁴ Серебрянский, *Очерки...*, 68-69.

церкви, человек “высокого разума”, потерял свою жену во время мора и затем, по правилам, установленным московскими церковными властями, был отправлен в Снетогорский монастырь, где его духовным наставником стал инок и позднее игумен Корнилий, оценивший таланты “попа Ивана”. Поскольку Снетогорский монастырь всегда был в тесной духовной связи с Печерской обителью,¹³⁵ вдовый священник был поставлен на работу, ему подходящую, — составление того списка псковской летописи, который нам известен, как Строевский. Можно думать, что это произошло около 1558 года, когда деятельность игумена Корнилия в Псково-Печерском монастыре начинает особенно расширяться: это год начала Ливонской войны, начало строительства монастырских укреплений, разрастание миссионерской деятельности, создание Кормовой книги, год путешествия игумена Корнилия с явленными чудотворными иконами, найденными во время взятия Нарвы, в Новгород и Москву. Священник вдовый, Иван Амбросьев переводится в Псков, в подворье Печерского монастыря, где он легко может пользоваться тем же протографом, которым пользовались составители Первой летописи, работавшие при соборе Святой Троицы. Здесь поп Иван и создал Строевский список (до 1556 года), полный, как мы показали выше, различных политических и личных комплексов. Но около 1562 года начался кризис в настроениях “вдового священника”, как явствует из послания снетогорского Корнилия, и кризис кончился отказом от священнического сана. Насонов, как мы помним, точно отметил, что после записей “лѣта 7060 четвертаго” начинается в списке другой почерк, другие чернила и — прибавим от себя — иной тон и смысл летописных сведений.

VII

Вероятно, справедливо сказать, что Строевский список после 1556 года и до последней записи под 1567 годом, полностью проникается общерусским настроением и в записях исчезают республиканские отголоски или какие-то прямые или косвенные обличения “апокалипсического царства”. Строевский список прежде всего отмечает государственные успехи Москвы,¹³⁶ большое внимание

¹³⁵ Там же,

¹³⁶ П.Л., II, 233-234. Отмечены присоединения Казани, Астрахани, договоры с Ливонским орденом и со Швецией.

посвящает событиям Ливонской войны, усердно, как и обычно, отмечаются всякие чудесные знамения, сулящие, в большинстве случаев, всякие зловещие события, и не слишком часто описываются псковские события (за 11 лет только шесть подробных и прямых сообщений о Пскове: под 1557, 1561, 1562, 1563, 1565 годами).¹³⁷ Псково-Печерский монастырь или его игумен упоминаются пять раз: под 1558 годом в связи с обретением икон в Нарве,¹³⁸ под 1560 годом в связи со взятием Феллина:

А приличися Божиимъ изволениемъ взятъе так: прислал игоумень печерский Корнилий священника Феоктиста, бывшего игоумена кириловского, к воеводам о празнике пречистыя Богородица честнаго ея Оуспения с проскоурами и со святою водою. И приехал старец Феоктисть в неделю ввечере, и того вечера градъ Вельянь загорѣлся ото огненных ядеръ и выгорѣлъ весь, ни хлѣба не осталось; и они Нѣмци оучали бити челом государю, и город здали, а ихъ выпоустили. И воеводы пречистой Богородици в монастырь прислали колоколь вельянской середней под большим.¹³⁹

Как мы показали в другой нашей работе, обе эти заметки, как и последующие, отмечающие во время большого псковского пожара 1562 года неповрежденность печерского подворья,¹⁴⁰ в 1565 году набег литовцев на псковские территории и в том числе “пречистыя Печерьского монастыря уѣзд”,¹⁴¹ а также под 1564 годом:

Того же лѣта совершена бысть церковь каменная в Печерском монастыри на воротех во имя святого Николы Чюдотворца,¹⁴²

все сселаны воеводой Павлом Петровичем Заболоцким, принявшим в Печерах постриг и ставшим иноком Пафнутием.¹⁴³ Можно думать, что Строевский список, доведенный первым составителем до 1556 года и, вероятно, в монастырском подворье в Пскове, был привезен в обитель и к нему, как думает Насонов, начали

¹³⁷ Там же, 235, 240-241, 242, 243, 245, 248-249.

¹³⁸ Там же, 235-236.

¹³⁹ Там же, 239-240.

¹⁴⁰ Там же, 242.

¹⁴¹ Там же, 247.

¹⁴² Там же, 246.

¹⁴³ Пафнутий иннок Заболоцкий, “устроивший храм святого Николы на воротех и давшего милостыню”, “благодетель Печерской обители”, Павел Петрович Заболоцкий, в монашестве Пафнутий, согласно показанию кормовой книги, скончался 23 декабря, но какого года не упомянуто. *Псково-Печерский монастырь...*, 143. Нет данных об его казни Иваном IV, хотя об этом упоминает новейший путеводитель: “*Изборск, Печеры*”, А. Т. Таратушко и Г. В. Петров, составители, издание второе, исправленное и дополненное (Лениздат, 1971), 69.

делаться приписки, и, главным образом, человеком, не только хорошо разбиравшимся в военных делах, но и знавшим многих военачальников, которых он даже способен критиковать. Приведем красноречивый рассказ под 1561 годом:

Лѣто 7069-го. Сентября царя и великого князя воеводы князь Иван Мстиславской со всѣми воеводы не по цареву великого князя наказу, царевъ быть наказъ ити к Колываню из Вельяна, и они на похвалѣ и наряд с собою взяли меншеи, и шли под Паидоу городокъ, хотели взяти мимоходомъ своим хотѣнием вскорѣ, без Божиа воля. А Паида городокъ крѣпокъ, а стоять на ржавцах, с одной стороны малъ пристоупъ, людеи потеряли много посохи, а иная разбѣглася, ано нѣчево ясть, и стояли под городкомъ 6 недель до 18 октября, и отошли, а города не взяв, и много лошадей по дорогамъ припадало оу дѣти боярских.¹⁴⁴

Во всем тексте (от 1556 года до 1567 года) Строевского списка нет ни слова критики в адрес государя, но бояре и воеводы описываются “реалистически”.¹⁴⁵ Стоит подчеркнуть, что отмечено с холодной точностью под 1564 годом: “Тое же весны изменил князь Андрѣи Курбской, збѣгъ в Литву из Юрьева.”¹⁴⁶

Что касается всевозможных “знамений” (одно из которых — под 1567 годом — считается Насоновым как-бы “ключевым” к проблеме “авторства игумена Корнилия” в Третьей летописи)¹⁴⁷, то внимание к ним было естественным во всех русских летописях и, в частности, в псковских. Корнилий, как известно из так называемой “монастырской летописи”, был не чужд в отношении к ним критической осторожности, в сущности, удивительной для его века.¹⁴⁸ На фоне нашего разбора Третьей летописи прямое участие Корнилия в “писании” Строевского списка кажется невероятным. Кроме того, свидетельство иконника Григория, писавшего в 1585 году в расширенной им версии *Повести* 1531 года, что видение сторожей “у Череского мосту” было записано 14 лет перед тем преподобным Корнилием в его “книге летописания”. К сожалению, такие “адресования к авторитету” (да еще такого “трепещущего чувствами” автора, каким был иконник Григорий) могут свидетельствовать об ином более общем факте, что Строевский список находился тогда в библиотеке Псково-Печерского монастыря,

¹⁴⁴ П.Л., II, 240.

¹⁴⁵ N. Andreyev, “Was the Pskov-Pechery Monastery a Citadel of the Non-Possessors?”, *Studies in Muscovy*, IX, 492.

¹⁴⁶ П.Л., II, 245.

¹⁴⁷ Насонов, *Из истории...*, 261-262.

¹⁴⁸ Серебрянский, *Очерки...*, 51-52; Andreyev, *The Pskov-Pechery Monastery...*, 325-326.

как находилось там немало и иных материалов.¹⁴⁹ С другой стороны, наш разбор Третьей летописи показывает, что подозрения и обвинения Насонова по адресу игумена Корнилия не выдерживают критики. Во всяком случае, Третья летопись не подходит к замечанию Карамзина, тоже использованном Насоновым, что, будто бы, Корнилий написал какое-то произведение, направленное против Ивана IV Грозного: если он и написал такое произведение, оно не было бы похоже на промосковскую и лояльную к царю картину, даваемую в Строевском списке после 1547 года вплоть до 1567 года, т.е. за весь период царствования, получивший отражение в Третьей летописи.¹⁵⁰

¹⁴⁹ Псково-Печерский монастырь в 1586 году, *Старина и Новизна*, VII (Санкт Петербург, 1904), 264-266, 271.

¹⁵⁰ Насонов, *Из истории...*, 262.